

ГЛАВА 9

КРИЗИС ИМПЕРИИ

9.1. Кризис имперского централизма и федерализм

Главными проблемами Российской, как и любой другой империи, всегда были связаны с отношениями по вертикали — между отдельными частями империи и ее центром. Вертикальная ось управления естественна для допромышленных обществ, горизонтальные связи в них развиты слабо, все основные социальные институты — от семьи до государства — имеют вертикальную структуру. «Вертикальное» управление из имперского центра было силой, скреплявшей конгломераты населявших обширные пространства разнородных локальных обществ, которые платили отказом от значительной части своего суверенитета, а иногда и полной его потерей за относительную устойчивость существования, экономическое благополучие, внешнюю безопасность. То обстоятельство, что подобная «сделка», отказ от суверенитета могли быть недобровольными, порождало определенные внутренние напряжения, но ничего не меняло в сути дела. Чтобы укрепить свою власть, центр стремился к ограничению самостоятельности частей, ослаблению их особенности, своеобразия — отсюда русификаторство, насильственное обращение в православие и т. д. Составные части империи, напротив, боролись за сохранение культурной и религиозной самобытности, за расширение самостоятельности, иногда и за независимость. В конце концов, устанавливалось некоторое равновесие сил при сохранении достаточно сильной вертикальной доминанты, без чего империя вообще не могла бы существовать.

Коль скоро такая доминанта сохранялась, она, в свою очередь, способствовала внутриимперскому сплочению, защите и укреплению горизонтальных связей между различными частями империи, делала эти связи более устойчивыми, регулярными и безопасными. Горизонтальные связи не просто по-иному направлены, они имеют иную природу. Вертикальные связи — по преимуществу политические, административные, военные, религиозно-идеологические. Они отвечают духу «простых», холистских обществ, суть одновременно и порождение, и опора внутренне присущего им централизма и авторитаризма. Горизонтальные же связи усиливаются по мере усложнения социальной жизнедеятельности, их природа — рыночно-экономическая, технологическая, культурно-коммуникативная. С усилением этих связей в России развивались и горизонтальные силы притяжения и отталкивания, под влиянием которых переструктурировалась вся система общественных отношений. В итоге империя изживала саму себя. Раз-

витие и укрепление горизонтальных связей под имперским зонтиком обесценивало вертикальные связи, на которых держалась империя, и, в конечном счете, ставило под сомнение само ее существование.

Усиление горизонтальных линий взаимодействия между частями империи придавало новое значение межобластному разделению труда, владению местными ресурсами, росту богатства регионов и контролю над ним, увеличивало роль областных экономических, политических и культурных столиц, независимость областных элит. В то же время с учащением прямых межрегиональных контактов все чаще обнаруживалось столкновение интересов разных областей империи, все заметнее становилась неодинаковость их территорий, численностей населения, природных богатств, культур, а главное, уровней и особенностей исторического развития. Нарастало внутриимперское разнообразие, а вместе с ним и внутриимперская конкуренция. Петербург и Москва уже не воспринимались только как исключительные места средоточия имперского главенствования. Появилась новая система отсчета, в которой они были в первую очередь олицетворением своих собственных экономических и прочих возможностей, — конечно, самыми развитыми и богатыми, но в остальном — такими же, как все. Любая областная столица могла бросить им экономический, культурный а то и политический вызов. Самостоятельность отдельных частей империи, которые все меньше нуждались в посредничестве центра, становилась все более заметной, все лучше осознавалась, рычаги былой власти и былого контроля ускользали из рук центра, нарастал кризис имперского централизма.

Это происходило — с ускорением — на протяжении всего XIX века. Говоря о настроении дворянства — губернской «региональной элиты» екатерининской эпохи, классической имперской поры, — Ключевский замечал, что оно не стремилось к участию в центральном управлении страной, все его политические стремления были связаны с местным самоуправлением. «Дав нам в руки уезды, правьте, как знаете, столицей»¹. Но уже в начале XIX века что-то начинает меняться, во взаимных отношениях центра и областей империи появляются новые проблемы, привлекающие внимание общества. Они занимали, например, Сперанского, декабристов, порождали разные взгляды. В частности, федералистский и унитаристский подходы к будущему государственному устройству России столкнулись в проектах, предложенных декабристами Никитой Муравьевым и Пестелем².

Видимо, то, что было удобно в условиях относительно однотипного, самодостаточного помещичьего хозяйствования в XVIII веке, быстро теряло смысл по мере того, как развивались городские виды деятельности и экономическое пространство страны становилось все более насыщенными и неоднородным. Примерно к середине XIX века постепенная модернизация России привела к осознанию самостоятельных экономических интересов регионов, тогда-то в них пробудились силы самоорганизации, противостоявшие чрезмерному имперскому централизму. Региональный, в основном губернский, уровень стал одной из главных арен деятельности набиравших силу разночинно-буржуазных слоев, из которых складывались новые областные элиты. Осваивая открывшиеся

¹ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V, М., 1937, с. 108.

² См: Алексеев Н. Советский федерализм. Общественные науки и современность, 1992, 1, с. 112–113.

вследствие модернизации многочисленные каналы социального продвижения и обогащения, они здесь, как и везде, искали большей самостоятельности и начали бороться за усиление своего влияния в центре, — но не для того, чтобы овладеть центральной властью, а для того, чтобы усилить свои позиции в межрегиональной конкуренции.

Хорошим примером сравнительно раннего появления федералистских требований в самих регионах — и уже как практического течения — может служить сибирское «областничество». Как писал один из его активных сторонников Г. Потанин, «первый крик нарождающегося сибирского областничества, раздавшийся в 40-х годах [XIX в.]: „Естественное богатство Сибири есть достояние области!“ удачно сразу наметил область экономических интересов как базу сибирского областничества»³. Потанин подчеркивал естественность деления империи на отдельные области и экономического соперничества между ними. «Областническая тенденция, покоящаяся на экономическом соревновании частей государства, имеет право на столь же долгий срок существования, как само государство»⁴.

Областники, стало быть, не просто претендовали на автономию внутри своих областей, наподобие дворян екатерининской поры, а добивались расширения своих прав на общероссийской сцене. Эти устремления и сформировали идеологию федерализма, т. е. повышения статуса регионов (губерний, областей) до такого уровня, чтобы они могли, например, через своих представителей в верховных органах власти, эффективно отстаивать свои интересы и ограничивать всевластие центра. На протяжении XIX века, по мере вызревания новых региональных элит, федералистские требования звучали все громче. Их глубинный смысл всегда был один и тот же: передел экономической, а если можно, и политической власти между регионами и имперским центром в пользу регионов.

Сибирские регионалисты подчеркивали исключительно «территориальную» природу своих требований. «Уральский казак так же резко противопоставляет свое местное остальному русскому, как и украинофил, а между тем этот сепаратизм чувства образовался без всяких этнографических и традиционных источников»⁵. «Сибирь в ряду других областей, в которых проявляется стремление к областничеству или автономии, выделяется тем, что в ней эта идея не связывается и не связывалась с национальной идеей. Основа сибирской идеи чисто территориальная»⁶.

Жизнь показала, что сибирское областничество было, скорее, исключением, чем правилом. В большинстве окраинных районов империи территориальная идея очень скоро соединилась с национальной, что породило требования перехода к федеративному устройству Российского государства на национально-территориальной основе. Хотя выдвигавшие такие требования идеологи национальных движений обычно подчеркивали, что их федерализм не предполагает разрушения империи, это не вызывало большого доверия у «общероссийского», имперского истеблишмента того времени. Соединение «областнических» и «национальных» требований, как правило, воспринималось

³ Потанин Г. Областнические тенденции в Сибири. Томск, 1907, с. 57–58.

⁴ Там же, с. 56–57.

⁵ Там же, с. 60.

⁶ Там же, с. 58.

как угроза — по меньшей мере, потенциальная — целостности империи. Это порождало неприятие самой идеи федерализма, в котором тогдашнее общественное мнение склонно было видеть замаскированный сепаратизм. Не случайно, например, В. Семенов-Тянь-Шанский даже в научной статье, в которой он предлагал усовершенствовать районирование России и перейти к ее делению на штаты и территории, счел нужным подчеркнуть, что, «употребляя термин „штаты“,... весьма далек при этом от мысли о федеративном устройстве России, которое было бы для нее безусловно гибелью в смысле могущественного владения»⁷.

Неприятие федерализма было характерно для основных общеимперских политических сил предреволюционной поры. Автор тех лет, разграничивая две группы общеимперских политических партий — правительственную и оппозиционную, отмечал, что «правительственная группа» поддерживала во всем объеме старый курс имперской национальной политики. Даже самая левая среди них — Союз 17 октября — при некоторых расшаркиваниях в сторону местной автономии, высказывалась за «ограждение единства политического тела» России, за ее «сложившийся исторически унитарный характер» и за «отрицание идеи федерализма в применении к русскому государственному строю»⁸. Но и представители либерального крыла тогдашнего политического спектра — конституционные демократы, поддерживавшие в некоторых случаях требования местной автономии для отдельных народов (Польши, Литвы, Закавказья, Украины) и не исключавшие перехода к такой автономии в будущем, в практическом плане стояли на позициях унитарной «единой и неделимой» империи. В связи с обсуждением украинского вопроса в 1914 г. лидер конституционных демократов П. Милюков сказал, что «считает постановку вопроса о федеративной связи Украины с Россией вредной и будет бороться против нее..., не может признавать за всеми народностями, населяющими Россию, права на автономию»⁹. Либералы поддерживали идеи местного самоуправления территорий, права народов на культурное самоопределение, но не верили в возможность превращения России в федерацию, построенную на национальной основе. Как утверждал Ф. Кокошкин, ведущий теоретик кадетской партии по национальному вопросу, «разделение России по национальному принципу логически ведет... не к федеративному государству, сохраняющему за центральной государственной властью суверенитет, тогда как остальные части несuverенны, а к свободному союзу суверенных государств, соединенных на началах международного договора», в конечном счете — «к распадению России, к разрушению государственного единства и образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств»¹⁰.

⁷ Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915, с. 23.

⁸ Славинский М. Национальная структура России и великороссы. // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910, с. 295.

⁹ О правах национальностей и децентрализации. Доклад бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 г. и постановления съезда. М., 1906, с. 32–33. (Цит. по: Шелохаев В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения. «Кентавр», 1993, 2, с. 104)

¹⁰ Кокошкин Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917, с. 15–16.

Не слишком были расположены к федерализму и крайне левые партии. Правда, в программе партии социалистов-революционеров говорилось о «возможно более широком применении федеративного начала в отношениях между отдельными национальностями». «Но затронутого вопроса «о федеративном начале» ни в программе, ни где-либо в другом месте имперская партия социалистов-революционеров не развивает, и приведенная выше цитата стоит в программе одиноко и голо, как намек, как нечто, что должно было кристаллизироваться и не кристаллизовалось»¹¹. Видимо, это нечто не кристаллизовалось и в программе социал-демократов, которая «скудно и неотчетливо говорит о национальном вопросе»¹². Но у такого заметного социал-демократа, как Ленин, свой взгляд на будущее российского федерализма несомненно был. «Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, — писал он в 1913 г., — марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»¹³.

И все же нельзя сказать, что в предреволюционную пору все позиции в противостоянии федерализма и унитаризма четко и окончательно определились. Хотя само противостояние было налицо, и оно, конечно, свидетельствовало о кризисе имперского централизма. Но, видимо, этот кризис зашел еще не слишком далеко, потому и унитаризм казался жизнеспособным, имел множество сторонников, а противники его были осторожны.

9.2. Кризис локализма и национальный ответ

Территориальный централизм был не единственной опорой российского имперского здания. Другим, не менее важным его основанием была самодостаточность, замкнутость, в том числе и территориальная, всех звеньев вертикального общества — каждое из них имело относительно ограниченные контакты как с рядоположенными, так и с выше- и нижестоящими ее звеньями. Эту особенность вертикального общества можно назвать «локализмом». Централизм и локализм дополняли друг друга. Локализм облегчал имперское управление, которое опиралось на немногочисленную местную элиту, представлявшую подконтрольное ей территориальное звено системы. Зато централизм оберегал целостность и обособленность таких звеньев, их бесконфликтное сосуществование, равно как и устойчивое положение местных элит. Интересы центра и «мест» взаимно дополняли друг друга, но почти не пересекались. Что бы ни происходило в империи, «места», особенно если иметь в виду крестьянское большинство населения, продолжали жить, как жили.

Эта согласованность нарушилась, когда то же самое развитие горизонтальных связей, которое вызвало кризис централизма, поставило под сомнение и спаянные с ним принципы территориального локализма. Изолированность и самодостаточность местных миров стали исчезать. На смену локальной замкнутости пришли всеобщая подвижность, постоянное перемешивание выходцев из разных частей империи, их тесные кон-

¹¹ Славинский М. Цит. соч., с. 298.

¹² Там же.

¹³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. // Полн. собр. сочинений, т. 24, с. 140.

такты — особенно в больших городах, разрушение всяких изначальных перегородок между людьми и т. д. Это произошло не сразу. В России XIX века крестьянин, даже живя и работая в городе, как правило, долго сохранял связь с родной деревней, часто и прямую зависимость от нее. Тем не менее, выйдя даже временно за пределы своей деревни или своего уезда, оказавшись в более широком и переменчивом мире, человек все меньше чувствовал себя принадлежностью ограниченного территориального, а нередко вместе с тем и этнокультурного, религиозного и т. п. целого. Рано или поздно связывавшая их пуповина обрывалась полностью. По мере того как такое освобождение становилось все более частым, разрастался кризис имперского локализма.

В классической имперской ситуации вполне можно ощущать себя человеком империи и в то же время сохранять свою этническую, религиозную, вообще «локальную» идентичность. Теперь это становилось все труднее, границы между «локальным», «региональным» и «центральным» не просто размывались, но связанные с ними интересы, ценности и пр. все чаще приходили в непосредственное столкновение. Менялись и условия межэтнического общения, а вместе с тем — не только внешняя, но и внутренняя среда этнических систем. Традиционные ценности культурной самобытности, местных обычаев и религии, родного языка и т. д., веками и тысячелетиями верой и правдой служившие даже малочисленным этносам и обеспечивавшие их выживание, вступали в конкуренцию с новыми ценностями универсализма и всеобщей подвижности без границ — и отступали перед ними.

Некогда для неграмотного крестьянина в любой части империи язык его отцов был естественным и единственно возможным. Но с появлением больших городов и железных дорог, с развитием письменной культуры и современного образования положение усложнилось. Для украинца, татарина или грузина, покинувшего свою деревню, чтобы выйти в большой имперский мир, знания только родного языка было недостаточно. Рост подвижности населения усиливал «имперскую» роль русского языка и в то же время умножал число тех, кто вынужден был пользоваться им, не будучи его естественным носителем. Незнание или слабое знание русского языка затрудняло социальную адаптацию, служило барьером на пути социального продвижения.

Подобные проблемы возникали и прежде. *Lingua franca*, некий общий язык, используемый на обширной территории, — не новость. Но прежде он был нужен лишь так называемым «образованным» людям, то есть привилегированному меньшинству. Нередко создавался даже искусственный языковой барьер, отделявший привилегированные классы от собственного народа, но сближавший их с привилегированными классами других народов или стран (например, французский язык у европейской аристократии). В России представители украинской, татарской, немецкой или грузинской элиты часто знали русский язык не хуже, а порой и лучше своего родного, точно так же, как узбекская элита говорила по-таджикски, а латышская или эстонская — по-немецки. Такое двуязычие было следствием образования, доступного, как правило, только детям из «хороших семей». Модернизация же — и в этом заключалась коренная новизна — потребовала массового образования для миллионов.

Эта задача уже сама по себе превышала экономические и культурные возможности России XIX века. А в той мере, в какой такие возможности все же существовали, это было прежде всего возможности образования на русском языке. Получить образование было трудно и выходцам из великорусских областей, но для всех остальных незнание или плохое знание русского языка было огромным дополнительным препятствием. Так поставленная жизнью проблема образования столкнула между собой местные и русский языки. Русский язык стал важным инструментом модернизации. Но преимущественно русскоязычное образование и все, что с этим связано (русскоязычная пресса, преобладание русскоязычной литературы всех видов и пр.), обесценивало местные языки, они оказывались неконкурентоспособными, скатывались на положение второразрядных, чего раньше не было. Это стало одним из очень важных проявлений кризиса локализма.

Чтобы избежать обесценения местных языков и связанной с этим архаизации местных культур, надо было развивать современное образование на этих языках, что тогда в большинстве случаев было невозможно. Это понимали и представители национальных культурных элит, они искали промежуточных решений. В частности, они настаивали на **начальном** образовании на родном языке, принимая неизбежность русского как языка более высоких уровней образования. Например, на Украине, по свидетельству Драгоманова, стремление внедрить украинский язык в школы, в суды и т. д. начало появляться в небольших украинофильских кружках только с 40-х годов XIX века. «Отправная точка таких идей была вовсе не национальная, не потребность удовлетворить интересы национальной интеллигенции, а чисто демократическая и утилитарная: потребность дать простому народу образование в самой доступной для него форме и дать ему возможность понимать и защищать свои права, предоставленные ему законами»¹⁴. «Никто не думал, — писал Костомаров, — что первоначальное образование, полученное малорусами на своем природном языке, могло изгнать и устранить из Малороссии язык общерусский: напротив, существовала уверенность, что, получив некоторые сведения на своем наречии, малоросс с большею охотой поделает читать по-русски и скорее научится русскому языку, приобревши уже до этого некоторую подготовку и развитие»¹⁵.

Примерно так же обстояло дело и с татарским языком. «Высшее образование в России немыслимо без общегосударственного языка, — утверждал Гаспринский, — но ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы, низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком... Если русская литературная речь оказалась несостоятельной как орган начального образования среди русских же в Малороссии, то очевидно, что в отношении татар он пригоден еще менее»¹⁶.

¹⁴ Драгоманов М. П. Чудацькі думки про українську національну справу. // Драгоманов М. П. Вибране. Київ, 1991, с. 538.

¹⁵ Костомаров Н. Статья о малорусской литературе в издании Н. Гербеля «Поэзия славян». Цит. по: Драгоманов М. П. Политические сочинения. М., 1908. Т. 1, с. 256.

¹⁶ Гаспринский Исмаил бей. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. // Гаспринский Исмаил Бей. Россия и Восток, Казань, 1993, с. 49–50.

Языковая ситуация — лишь один из примеров того, как местное и имперское вступало в конкуренцию между собой, требуя сделать нелегкий выбор. То же было с религией, обычаями, правилами повседневной жизни и т. д. Переселившемуся в большой город или вообще включившемуся в систему городских отношений крестьянину была незнакома вся городская система социального общения, он оказывался «без языка» в широком смысле слова¹⁷. И дело было не только в инструментальной важности языка городской культуры — необходимого орудия повседневной жизни. Язык, культура, религия, традиции, обычаи — это еще и важнейшие сплачивающие начала, без которых немислимо существование социального целого. В таком качестве они превращаются в символы, приобретают значение первостепенной социокультурной ценности, с исповеданием которой люди связывают свое существование и как «Я», и как «Мы». Тысячелетиями эти древние интеграторы, выступая в разных сочетаниях и усиливая друг друга, охраняли внутреннюю целостность, системность локальных обществ, даже и разделенных порой силой внешних обстоятельств. Теперь же многие из этих интеграторов оказались под угрозой, у них появились мощные конкуренты, и стали исчезать прежние условия их бесспорного усвоения каждым новым поколением. Разрушение этнокультурной замкнутости, бывшее одной из сторон разрушения локальных миров вообще, породило, таким образом, одну из наиболее важных форм кризиса локализма, которую можно назвать «кризисом этнической идентичности» или кратко **«кризисом этничности»**.

Кризис этничности был частью всего кризиса, вызванного атомизацией общества и автономизацией личности, и притом частью особенно заметной: перемены, связанные со сменой этнокультурной среды и появлением неизбежной при этом напряженности межэтнических отношений, принадлежали к числу наиболее осязаемых. Этническая напряженность, именно по причине своей очевидности, стала своеобразным центром, к которому стягивались все другие социальные напряженности, становилась источником грозных разрушительных сил.

Способность общества найти ответ на этот вызов времени зависела от его готовности принять всю совокупность связанных с модернизацией перемен, все новые основания организации социального мира. Если такая готовность существовала, то и в кризисе этничности нетрудно было увидеть проявление очень глубоких, фундаментальных перемен, свидетельство обесценения самих этнических принципов социальной интеграции и необходимости перехода к иному **типу** интеграторов, к существенно иному, **неэтническим** механизмам социального сплочения. Именно такая, исторически новая задача была поставлена и разрешена рядом западных обществ, где и было выработано обобщающее такое решение понятие «нация».

Это понятие широко вошло в европейский политический словарь после Французской революции, а осмысление западного опыта национальных государств уже в прош-

¹⁷ «Без языка» — название рассказа В. Короленко, повествующего о судьбе украинского крестьянина-эмигранта в Америке. Герой рассказа, разумеется, не знал английского языка, но, что еще важнее, он был носителем другого культурного кода. Оказавшись случайно в толпе протестующих демонстрантов и увидев полицейского, он поступил так, как привык поступать при виде представителя власти в своем глухом волынском селе: нагнулся, чтобы **поцеловать** ему руку. Но все окружающие восприняли этот жест, в соответствии со своим культурным кодом, как попытку **укусить** полицейского.

лом веке привело к выработке взгляда на нацию как на согражданство, как на совокупность граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения. Такой взгляд уходил корнями в идеологию Просвещения и Французской революции. Уже для Сьейеса нация означала «un corps d'associés vivant sous une loi commune et représentés par la même législature»¹⁸ (сообщество живущих по общему закону и представленных одним законодательством). Почти сто лет спустя Э. Ренан, суммируя круг западных либеральных идей XIX века, характеризовал как «грубую ошибку» отождествление нации с антропологическими, этнографическими или лингвистическими группами. «Человек — не раб ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных цепей». Ренан связывал реальность нации с двумя факторами: общим историческим опытом и согласием в настоящем, «желанием жить вместе, волей сохранять неделимым полученное наследие»¹⁹.

На первый взгляд может показаться странным замечание Ренана о том, что «забвение, ... даже историческая ошибка — важнейшие факторы создания нации, так что успехи исторических исследований представляют собой часто опасность для национальности»²⁰. Но по сути речь здесь идет о том, что нации — продукт не столько всей истории народа или страны, сколько определенных и притом более поздних ее этапов. Становление наций совпадает со становлением гражданского общества и, возможно, общность усилий на этом участке исторического пути оказывается хотя и исторически случайным, но тем не менее более важным обстоятельством при определении внешних границ нации-государства, нежели многовековые народные традиции, язык или религия. Само рождение нации становится очень существенной частью общего исторического опыта, сопровождается небывалым по интенсивности созиданием духовных, культурных ценностей, которые образуют ее неделимое достояние. Но даже и построенное на таком надежном основании здание нуждается в постоянной проверке на прочность. Желание людей жить вместе должно постоянно подтверждаться. Нация, говорил Ренан, это ежедневный плебисцит²¹.

«Ренану, — писал впоследствии Ортега-и-Гассет, — удалось найти то самое слово, которое, подобно волшебному фонарю, осветило суть проблемы, ибо понятие плебисцита позволяет нам пролить свет на сложную сущностную структуру нации, состоящую из двух ингредиентов. Первый из них — это совместное существование с целью осуществления единой всеобщей деятельности, второй — приверженность людей к осуществлению проекта этой деятельности»²². «Уже не старая, существующая с незапамятных времен, традиционная, обращенная в прошлое, одним словом, непроходимо косная общность дает название тому политическому сосуществованию, каким является Государство, а совсем другая... Это абсолютно новая общность людей, в трудах сегоднешне-

¹⁸ Цит. по: *Forest Ph. Nations et nationalismes au XIXe siècle: quelques repères.* // *Forest Ph. Qu'est-ce qu'une Nation?* Paris, 1991, p. 5.

¹⁹ *Renan E. Qu'est-ce qu'une Nation? et autres écrits politiques.* Paris, 1996, p. 240, 242.

²⁰ *Ibid.*, p. 227.

²¹ *Ibid.*, p. 241.

²² *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.* // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991, с. 212.

го дня выковыивающих свое будущее»²³. Нация — в ренановском смысле — есть категория гражданского общества, которое основывается на ценностях, более универсальных, чем относительно локальные, унаследованные от далекого прошлого ценности языка, религии или древних обычаев.

Становление нации позволяет преодолеть кризис локализма и оттеснить локалистские ценности на более низкие места социальной шкалы. Но это вовсе не значит, что они исчезают, — во всех случаях речь идет лишь о смене преобладающих тенденций, приоритетов, а не о полной замене одного типа социальных интеграторов другим. По-видимому, не теряют своего значения ни народная культура, ни религиозная традиция, ни языковая близость. Более того, все это переосмысливается в условиях нового, лишённого внутренних перегородок социального пространства, отчасти преодолевается локальность и прежних интеграторов, вырабатываются общие для всех, говорящих на одном языке, лингвистические нормы, создаются сборники фольклора, хранилища памятников народного искусства и т. п. Ценность традиционных интеграторов, их влияние на жизнь людей, возможно, даже возрастает. Но при этом они все-таки утрачивают свою главенствующую роль, уступают ее новым способам сплочения: общенациональному самосознанию (сначала «я — француз», потом «я — бретонец»; сначала «я — американец», потом — «американец ирландского происхождения» или «афроамериканец»), гражданским законам, осознаваемым экономическим и политическим интересам, тем слоям культуры, которые сложились в период становления нации.

Нация появляется там, где кончается холистский мир больших и малых левиафанов, построенный по принципу *человек для...* В таком мире статус личности создается принадлежностью к общности, точнее, одновременно ко многим общностям-левиафанам — семье, общине, сословию, церкви и т. д., утрата даже одной из этих «принадлежностей» разрушает статус человека, что противоречит установке на сохранение неизменных статусов и жестких перегородок между ними. Поэтому принадлежность к общности — огромная ценность для каждого, опасность ее утраты тяжело переживается, способна побудить людей на активное и самоотверженное противодействие. В этом смысле общество малоподвижно, враждебно переменам. Но к переменам, не затрагивающим статус, люди довольно безразличны. Именно поэтому все прошлые интегрирующие общности экстерриториальны. Культура, язык, религия сами по себе не знают государственных границ. Христиане или мусульмане могут живот положить за веру, но это не мешает единоверцам жить в разных государствах. Жили, а кое-где спокойно живут и сейчас в разных странах люди, говорящие на одном языке. Считалось обычным, что династический брак мог привести к объединению двух государств, а при разделе наследства царствующих особ одно государство могло распастись на несколько новых. Что бы ни говорили о социально и культурно сплоченных сообществах прошлого, как бы их ни называли — народ, племя, этнос и т. д., — всем им свойственна одна и та же черта: с точки зрения государственности, они *делимы*.

Современный социальный мир организован по-иному. Он намного более сложен и динамичен, ориентирован на высокую подвижность и индивидуальную активность лю-

²³ Там же, с. 207.

дей, а значит и на устранение былой закреплённости статусов и жестких перегородок между ними. Ему и соответствует идея нации. Она отвергает все внутренние границы и перегородки, содержит в себе презумпцию равенства, одинаковости шансов для всех граждан (= представителей нации) независимо от происхождения, цвета кожи, вероисповедания и т. п. и предполагает намного большую внутреннюю сплочённость. Нации *неделимы*. Появление наций придает новый статус государственным, территориальным границам. Никаких внутренних перегородок и устойчивые внешние границы — таков принцип национального государства в противовес династическим государствам прошлого, в которых незыблемость внутренних перегородок сочеталась с зыбкостью, частой переменчивостью внешних рубежей.

9.3. Кризис локализма и националистический ответ

Предпосылки становления нации создаются, стало быть, историческим развитием и притом лишь на недавних его этапах, на которых и происходит превращение замкнутых, сельских, холистских, сословных и т. д. обществ в открытые, атомизированные, индивидуалистические, гражданские. Пока эти этапы не пройдены, современная нация не может сложиться, само это понятие не поддается заимствованию и переносу на неподготовленную почву. Идея нации как согражданства не воспринимается, а ответом на кризис этничности становятся попытки восстановить былое значение прежних этнических интеграторов.

Именно такой ответ был предложен Гердером еще в конце XVIII века в ходе то ли спора с идеями Просвещения, то ли приспособления их к немецкой почве. Концепция нации Ренана, возможно, вызревала именно в полемике с идеями Гердера, убежденного в том, что «Провидение разделило людей — лесами и горами, морями и пустынями, реками и климатическими зонами, но прежде всего оно разделило людей языками, склонностями, характерами»²⁴. Для Гердера такое разделение было незыблемым, он не желал видеть или, во всяком случае, не одобрял исторических перемен, стиравших племенные границы. «Сама природа», полагал он, подсказывает «традицию воспитания человека для одной из форм человеческого счастья и образа жизни»²⁵. Цель человеческого рода заключается в «счастье и человечности, какие возможны на этом месте, в этой степени, в этом звене цепи, охватывающей весь человеческий род... Где бы ты ни был рожден, кем бы ты ни был рожден, человек, ты всегда тот, кем должен был стать, — не бросай цепь, не старайся перешагнуть через нее, но прилепись к ней!»²⁶. От общих религиозно-философских рассуждений было рукой подать до политических выводов: «самое естественное государство — такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером... Ничто так не противно самим целям правления, как неестественный рост государства, хаотическое смешение разных человеческих пород и племен под одним скипетром... Такие царства... словно символы монархий в видении пророка: голова льва, хвост дракона, крылья орла,

²⁴ Гердер И. Г. Идеи к философской истории человечества. М., 1977, с. 226.

²⁵ Там же, с. 231.

²⁶ Там же, с. 232.

лапы медведя — все соединено в одно целое, целое весьма непатриотического свойства»²⁷. Гердер подчеркивал важность родных традиций, языка, литературы, фольклора. В племенном разделении народов, в неизбежности границ между ними он видел опору борьбы против «деспотизма, стремящегося поработить себе все человечество», и это, кажется, главный вид деспотизма, который его волновал.

Идеи Гердера долгое время больше соответствовали мироощущению народов Восточной Европы, нежели западное «гражданское» понимание нации. Это очень хорошо видно на примере Российской империи, где они постоянно возникали — в явном или неявном виде — и в великодержавных писаниях Данилевского, и в сепаратистских лозунгах «националов», и в теориях русских марксистов. Гражданская же концепция нации плохо, а часто и превратно понималась в России и плохо усваивалась здесь. В конце XIX начале XX века кризис этничности в России был налицо, но российское общество не было готово к его преодолению путем создания новых гражданских интеграторов и перехода к неэтнической нации, наподобие французской или американской. Его все еще полусредневековое, корпоративное сознание не способно было принять идеи принадлежности человека самому себе и его права выбирать себе национальность, менять ее на протяжении жизни, эмигрировать, «натурализоваться» и т. д. Для него, как для К. Леонтьева, «идея национальностей... в том виде, в каком она является в XIX веке, [была] ... идея... космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego»²⁸.

Даже в начале XX века, когда термины «нация» и «национальность» использовались в России довольно широко, смысл их, как он здесь понимался, был очень размытым, ускользающим. «Антропология, — писал автор начала века, — до сих пор далеко не выяснила вопроса, что такое национальность...; самый вопрос о том, существует ли она как реальное антропологическое явление или же представление о национальном типе есть не более, чем одна из человеческих иллюзий, не может считаться окончательно решенным»²⁹. Тот же автор отмечал, что русское словоупотребление было ближе не к английскому или французскому, отождествляющему нацию и государство, а к немецкому, при котором «„народ“ есть термин государственного права, а „нация“ — термин этнографический»³⁰. «Мы тоже охотнее говорим о „народе“ в государственном смысле, чем в смысле этнографическом: для нас в понятие „русский народ“ может войти и поляк, и еврей, и украинец, тогда как говорить о „русской нации“ в этом смысле мы решительно не в состоянии... Слово „нация“ вообще звучит для нас как слово иностранное, недостаточно усвоенное русским языком и до сих пор ему чуждое»³¹.

²⁷ Там же, с. 250.

²⁸ Леонтьев К. Византизм и славянство. // Избранное. М., 1993, с. 41–42.

²⁹ Водовозов В. Национальность и государство. // Формы национального движения в современных государствах, с. 729.

³⁰ Там же, с. 730.

³¹ Там же, с. 731. Водовозов говорит, таким образом, о «многонациональном народе». Евразийцы позднее писали о «многонародной нации». Предполагается, стало быть, что можно быть одновременно представителем и народа и нации, например, поляком и русским. Но что стоит на первом месте?

Не воспринимая идею западной нации, российское предреволюционное общество все еще с надеждой оглядывалось в прошлое и рассчитывало — в духе Гердера — преодолеть очевидный всем кризис этничности путем укрепления ослабевших этнических интеграторов старого типа. Этот путь казался тем более заманчивым, что он отвечал массовым настроениям. В многообразных проявлениях кризиса традиционного миропорядка упрощающее массовое сознание склонно было видеть лишь следствие разрушения прежних защитных перегородок и замутнения чистых народных источников хлынувшими извне потоками чуждых влияний, результат не собственного развития идущих по пути модернизации обществ, а злокозненного вмешательства извне. В глубоком **внутреннем** конфликте старого и нового видели лишь противоборство идеализируемого «своего» и критикуемого «чужого», а преодоление конфликта связывали с избавлением от навязывающих это «чужое» этнических врагов. Так складывались идеи, настроения и образы, которые питали мифологию этнической, часто понимаемой как расовая, исключительности, веру в свое этническое превосходство. Это был, если воспользоваться словами Х. Арендт, «псевдомистический вздор, обогащенный бесчисленными и произвольными историческими воспоминаниями», но, по ее же утверждению, он обладал огромной эмоциональной притягательностью и породил «новый рост националистических чувств, сила которых оказалась превосходным двигателем толпообразных масс и очень удачно подменила в роли эмоционального центра более старый национальный патриотизм»³².

Все эти чувства и настроения легко резонировали на любое этническое самовозвеличение, что обычно сочеталось с ростом высокомерия и враждебности по отношению к «чужим»: «инородцам», русским, полякам, евреям, немцам, армянам и т. д. Образовавшаяся идеологическая смесь проникала в национальные движения, возникавшие повсюду в империи для защиты интересов национальных меньшинств, все больше определяла их лозунги. С успехами модернизации поле кризиса этничности расширялось, а сам он обострялся, национальные движения, поначалу умеренные, радикализировались. От попыток защитить культурную самобытность своих народов, их язык и т. п. они переходили к лозунгу «национального освобождения», а, по существу, к требованию «чтобы политические и этнические единицы совпадали, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу»³³, — в этом требовании Геллнер видит суть национализма. Такой этнический национализм лишь своим названием, только этимологически связан с понятием «нация». Его правильнее было бы называть «антинационализмом», ибо он противостоит созиданию современных наций как сообществ, отказывающихся от внутренних локалистских перегородок. Нация — результат модернизации, национализм — проявление антимодернистской реакции. Он стал главным порождением кризиса локализма, продуктом его агонии, отражением безотчетных и безнадежных попыток вернуться в навсегда распавшийся мир, разделенный непроницаемыми перегородками.

Такие попытки были в равной степени характерны и для антиимперских национальных движений, и для националистических защитников империи. Кризис этничности за-

³² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996, с. 312.

³³ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991, с. 5.

тронул не только национальные меньшинства. Его не мог избежать и русский (великорусский) этнос, который оказался едва ли не в центре кризиса традиционного локализма. Все главные составляющие кризиса, вызванного разрушением этнокультурных перегородок и массовым выходом в подвижный конкурентный мир, были налицо и у него. Правда, русские не знали языковых трудностей, которые осложняли положение национальных меньшинств. Но зато самолюбие господствующего этноса страдало от необходимости участвовать в конкурентной борьбе и на равных основаниях со всеми добиваться положения, которое прежде принадлежало им «по праву», тем более, что конкуренция в очень сложной этнокультурной среде Российской империи оказалась непростой. Это открыто и, пожалуй, даже с преувеличением, признавали русские националисты, и в мыслях не желавшие допустить равенства всех народов империи. «Для скорейшего подъема духовных и материальных сил русского племени, — писал Куропаткин, — одного равенства в правах с более культурными иноземцами и инородцами недостаточно. Необходимо, чтобы русское племя в России пользовалось большими правами, чем инородцы и иноземцы»³⁴.

«Ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными народцами, — писал другой автор, — что же тут разумного, скажите на милость?... Сама природа выдвинула племя русское среди многих других, как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала неравенство маленьких племен с нами. Скажите, — что ж тут разумного идти против природы и истории и утверждать равенство, которого нет?»³⁵ Выскомерное этническое самоутверждение, равно как и выставляемое напоказ нежелание видеть, что мир меняется, пронизывало идеологию многих проимперских партий, отражалось в их программах. «Русской народности, — говорилось в программе Союза русского народа, — ...принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. Союз не делает различия между великороссами, белорусами и малороссами... Русская народность есть народность державная; прочие народности в России пользуются правами гражданского равенства, за исключением евреев. Русский язык есть господствующий язык Российской империи для всех населяющих ее народов»³⁶.

Русский национализм был естественным союзником имперского централизма — и тот, и другой были проявлением антимодернистской реакции и вели борьбу за возвращение к прошлому. Такая борьба в долгосрочном плане была совершенно безнадёжной, в конечном счете, союз двух обреченных мог только уменьшить центристские силы, удерживающие империю от распада, и увеличить силы центробежные, действовавшие в противоположном направлении, но националисты не хотели этого видеть.

Напрасно Милюков, выступая в Думе, призывал депутатов проникнуться российским, а не великорусским патриотизмом. «Если вы на место этого российского государственного патриотизма, — говорил он, — хотите поставить ваш великорусский, то вместо органического единства, к которому мы стремимся, вы можете получить толь-

³⁴ Куропаткин А. Н. Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 3. СПб., 1910, с. 241.

³⁵ Цит. по: Славинский М. Национальная структура России и великороссы, с. 296–297.

³⁶ Там же, с. 295.

ко механический агломерат центробежных стремлений, которые вам придется насильственно, искусственно сдерживать, и вы придете к результату, противоположному вашим намерениям, вы из великой империи сделаете колосс на глиняных ногах»³⁷. Великорусские «патриоты» были глухи ко всем предупреждениям и продолжали раскалывать империю, приближали ее к распаду. Механизм достижения этого результата был очень простым.

Сторонники имперского централизма были не единственными, кто пытался использовать в своих интересах мобилизационный потенциал национализма. По тому же пути пошли и их противники — сторонники федеративного устройства России. Казалось бы, для них этот путь был менее естественным, чем для унитаристов. Объективно федералистские и националистические силы и движения в Российской империи не были тождественны между собой, во многом они должны были, скорее, противостоять друг другу. Хотя и те, и другие были вызваны к жизни модернизацией, будущее первых было объективно связано с успехами модернизации и использованием ее плодов, вторые представляли антимодернистскую реакцию и были ориентированы на возврат к прошлому. Потенциально региональный федерализм и этнический национализм враждебны³⁸.

Но в реальных условиях Российской империи начала XX века у федерализма и национализма были значительные области пересечения интересов, что и привело их к сближению. Региональные элиты очень быстро поняли, какую мощную поддержку в борьбе за передел власти и влияния между ними и имперским центром они могут получить со стороны национальных движений. Поэтому федералистские идеи недолго удержались в рамках идеологии чистого «областничества», т. е. расширения прав и возможностей областей вне связи с национальной идеей. Сблудн обращения к этническим чувствам был так велик, что даже русские сибирские «областники» предприняли попытку раздобыть себе «этническую родословную», выдвинув идею «образования путем скрещивания и местных физико-исторических и этнологических условий, однородной и несколько своеобразной областной народности»³⁹. В невеликорусских же частях империи федерализм все больше окрашивался в национальные цвета и в конце XIX века почти полностью слился с национализмом. Региональные элиты почувствовали себя намного более уверенно, когда смогли опереться на национальные движения и ощутить себя одновременно и национальными элитами.

Симбиоз федерализма и национализма породил противоречивую концепцию «национально-территориальной автономии». Изначально регионалисты и националисты в России выступали от лица разных «совокупностей», границы территорий и этносов здесь никогда не совпадали. Объединившись под общими «национально-территори-

³⁷ Там же, с. 303.

³⁸ Это, между прочим, хорошо понимал Кокошкин. «Начало федеративное и начало национальное, — писал он, — не только не тождественны между собой, но при последовательном своем развитии могут вступить в непримиримое противоречие... Между федерализмом и национализмом... существуют противоречия, которые, быть может, ярче всего способны сказаться в России» (*Кокошкин Ф.* Цит. соч., с. 5).

³⁹ *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892, с. 95.

альными» лозунгами, они закрыли глаза на эту «неувязку», не говоря уже о более глубоких различиях и противоречиях федерализма и национализма, стали дружно поддерживать требования национального освобождения и национального самоопределения — «вплоть до образования отдельного государства». Так как Российская империя объединяла более ста этносов, то, доведенные до логического конца, эти требования означали бы создание более ста новых государств — идея безумная даже с чисто арифметической точки зрения. Рассуждая о своей будущей государственности, националисты, как правило, видели свои «великие» государства — «Великую Украину», «Великий Туркестан», «Великий Азербайджан» и т. д. — в границах, весьма спорных, с точки зрения их непосредственных соседей. Любое такое вновь организованное государство было бы многоэтнично, в нем немедленно определились бы свои национальные меньшинства, свои национальные движения и свои национализмы — и так до бесконечности. Никакого решения «национального вопроса» простое разделение империи на части не давало. Подобно коммунистическому, националистический образ будущего был абсолютно утопичен.

Но — тоже подобно коммунистической — националистическая идея обладала очень высоким политическим мобилизационным потенциалом. Она всегда объединяла вокруг себя массы людей, не сумевших приспособиться к переменам, испытывавших ностальгию по прошлому, по былой этнической обособленности, по возможности иметь привилегии без конкуренции и т. д., придавала определенность их неясным настроениям, разжигала их недовольство, спланивала их несбыточными посулами. Все это превращало национализм в серьезную идеологическую и политическую силу, общественным группам, ведущим борьбу за передел богатства и власти, трудно было удержаться от искушения вступить в союз с нею. Не удержался от искушения и российский федерализм, который рассчитывал с помощью такого союза укрепить свои силы. На деле же выиграл, скорее, национализм, тогда как федерализм оказался его заложником. Этому исходу в очень большой степени содействовали шовинистические сторонники допотопного имперского централизма.

Областнические требования, лежавшие в основе федерализма, соответствовали духу исторического развития, были прогрессивными. Отблеск этой прогрессивности лег и на поддерживающие эти требования «окраинные» национализмы, замаскировал их антимодернистскую сущность. У русского имперского национализма такой возможности не было, он выступал в своей обнаженной реакционности. По большому счету все национализмы стоили друг друга, но в конкретной российской обстановке великорусский национализм становился символом угнетения и реакции. Он исходил из тождества имперских и великорусских интересов, что сразу же превращало всех нерусских в граждан второго сорта. Его позиция исключала признание равноправия народов России и закрывала дверь для умеренного, либерального федерализма. Жесткая позиция великорусских шовинистов подталкивала все национальные движения к радикализации своих требований, ослабляла позиции либералов-федералистов и, напротив, повышала вес националистических доводов в пользу сепаратизма. Любой местный национализм был окружен ореолом борьбы за прогресс и национальное освобождение. Авторитет

антиимперских националистических идей, симпатии к ним росли, а вместе с тем рос и их политический вес, усиливалось и давление национализма на умеренный областнический федерализм.

Региональные требования повсюду стали превращаться в регионально-национальные, хотя поначалу они по-прежнему формулировались в федералистских терминах и не посягали на целостность империи. Даже в начале XX века для большинства национальных движений в Российской империи была характерна федералистская позиция. Почти все политические силы, включая самые левые, искали удовлетворения регионально-национальных требований, как правило, стремясь избежать разрушения имперских границ. Всего за несколько лет до революции в обзоре позиций национальных социалистических партий говорилось, что «постулат государственной независимости в настоящий момент не выдвигается никем (кроме лишь так называемой „революционной фракции“ ППС [Польской социалистической партии], отживающего обломка расколовшейся партии)»⁴⁰. Тем не менее грань, отделявшая национально-территориальный федерализм от сепаратизма, была очень тонкой, под крышей умеренного федерализма вызревали крайние, сепаратистские настроения; они ждали своего часа. В конце концов этот час настал. После крушения центральной власти в 1917 г. программы всех национальных движений радикализировались, требования национально-территориальной автономии сменились требованиями полной независимости. Федерализм открыто уступил место сепаратизму.

9.4. Между федерализмом и сепаратизмом: пример Украины

Одним из характерных примеров такого движения от федерализма к сепаратизму может служить Украина. Украинцы, или, согласно официальному дореволюционному названию, малороссы⁴¹, были вторым по численности этносом Российской империи. В 1897 г. в Российской империи насчитывалось 22,4 млн. украинцев (идентифицированных по родному языку), из которых 20,4 млн. жили в Европейской России, 1,3 млн. — на Кавказе, в основном северном, остальные — в польских губерниях (335 тыс.), в Сибири (223 тыс.) и в Средней Азии (102 тыс.). Хотя, как правило, украинцы жили вперемешку с великороссами, а часто и с представителями других народов, область их преобладающего расселения выделяется достаточно четко. Украинцы составляли больше половины жителей в 8 из 50 губерний Европейской России, еще в одной — Таврической — превышали 40% всего населения, а без Крыма — 60% (в Крыму преобладали татары). Эти девять губерний (Таврическая губерния — без Крыма) и вошли впоследствии в состав независимой, а затем советской Украинской республики. Еще одна территория с очень высокой долей украинского населения (свыше 47%) — Кубань

⁴⁰ *Медем Вл.* Национальные движения и национальные социалистические партии в России. // *Формы национального движения в современных государствах...*, с. 756.

⁴¹ Названия Малая Россия и Великая Россия (Russia Minor и Russia Major) были впервые использованы константинопольским патриархом при разграничении галицкой и московской метрополий в XIV в., эта терминология стала официальной в России со времен царя Алексея Михайловича (после Переяславского договора 1654 г.). Украинцы, жившие в Австрийской империи, называли себя русинами, как и ранее — во времена Литовско-русского и Польско-литовского государств.

ская область — по дореволюционному районированию не входила в состав 50 губерний Европейской России, а относилась к Кавказу, впоследствии же осталась в составе Российской Федерации. Кроме того, были пограничные губернии — Курская, Донская и Воронежская, — где украинцы, как правило, жившие в нескольких пограничных уездах, составляли от 20 до 40% населения. К ним примыкала и Ставропольская губерния, тогда тоже относившаяся к Кавказу, более, чем на треть украинская, причем здесь украинцы составляли от 30 до 50% во всех уездах. Наконец, заметной была доля украинцев в двух польских губерниях — Люблинской и Седлецкой; в восточных уездах этих губерний украинцев было больше, чем поляков⁴². Позднее, в 1912 г., здесь была образована новая — Холмская губерния.

Помимо Российской империи значительное число украинцев жило в конце XIX — начале XX в^{еков} за ее пределами, главным образом в Австро-Венгрии. По переписи населения 1910 г. их численность определялась — по «разговорному языку», т. е. на основе ответов на вопрос: «На каком языке вы обычно разговариваете» или по материнскому языку (в Венгрии), — примерно в 4 млн. человек, из которых 3,2 млн., в основном униаты, жили в Галиции, 0,3 млн., преимущественно православные, — в Буковине, почти 0,5 млн. (униаты) — в Венгрии, в Закарпатье⁴³. Кроме того, несколько сот тысяч украинцев-эмигрантов было рассеяно по всему свету. Перед Первой мировой войной примерно 250–300 тыс. украинцев из Галиции и Закарпатья жили в США, около 170 тыс. — в Канаде, несколько десятков тысяч — в Бразилии⁴⁴. Таким образом, в начале XX в. в мире насчитывалось примерно 26–27 млн. украинцев.

Хотя, как уже отмечалось, в России украинцы рассматривались как одна из ветвей русского народа, на Украине к этому времени уже сложилось представление об украинцах как о совершенно самостоятельном этносе. «Мы украинцы, земля, на которой мы живем, называется Украина, будь она под Российской державой, под Австрией или под Венгрией. Ибо хоть и делят ее границы, хоть разорвана она на клочки, но один народ, который ее населяет, едины язык, судьба и обычаи»⁴⁵. Тогда подобный взгляд был относительно новым, он отражал итог довольно долгого периода развития украинского этнического самосознания.

Вопрос о едином украинском этносе приобрел остроту во второй половине XIX века, причем прежде всего в Галиции, ибо в Австро-Венгрии модернизация, а значит и пробуждение и активизация региональных элит зашли тогда дальше, чем в России. Для галицийских русинов первая задача в поисках большей самостоятельности заключалась в том, чтобы размежеваться с населявшими Западную Галицию поляками, которые преобладали в Галиции в целом, — вплоть до выделения населенной русинами Восточной Галиции в отдельную административную единицу в составе Австро-Венгрии. Польская региональная элита, занимавшая господствующее положение в регионе и имев-

⁴² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., 1905, Табл. 1; *Фортуатов К.* Национальные области России. СПб., 1906, с. 7–11.

⁴³ *Auerbach B.* Les races et les nationalités en Autriche-Hongrie. Paris, 1917, p. 24, 257, 272, 342, 381.

⁴⁴ *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ, 1993, с. 661, 666, 669.

⁴⁵ *Рудницький С.* Коротка географія України. Київ-Львів, 1910, с. 6.

шая большой вес в империи в целом, естественно, не хотела уступать своих привилегий, которым угрожала неожиданная активность русинов. Одна из линий ее обороны заключалась в том, что она отрицала само существование русинов как особого этноса, пыталась рассматривать их просто как разновидность поляков. Версия поляков и пропольски настроенных русинов в то время гласила: «русин, русняк и т. п. названия народные в Галиции составляют только разновидность поляка (*gente ruthenica, natione polonica*), как мазуры»⁴⁶. Отталкиваясь от поляков и изыскивая исторические, этнографические и прочие доводы в пользу своей отдельности, галицийские русины, естественно, находили много общего между собой и своими восточными соседями, жившими в пределах Российской империи. Но подчеркивание такой общности не могло не встревожить австрийскую администрацию. По словам Драгоманова, поляки не преминули раздуть ее подозрительность, и на нее стала действовать «фраза, бывшая тогда в ходу у поляков, что «русин может быть только или поляком или москалем»⁴⁷. Отсюда — паллиативная формула русинских патриотов: мы — русины, самостоятельное славянское племя, отличное от поляков и русских. Комментируя эту формулу, Драгоманов писал, что «под этими словами не лежало никаких ясных представлений ни о русских, ни о малороссах, ни о самом галицком народе... Если формула галицких патриотов 1848 года имела какую-нибудь цену и пользу, то только отрицательную: „мы не поляки“, это одно только и было ясно»⁴⁸.

Тем не менее формула 1848 г. содержала еще самоопределение русинов как «части племени малорусского», что тоже смущало австрийские власти. Поэтому «официальный журнал, заведенный правительством для русинов при венской униатской семинарии, „Веденский Вестник“ начал проводить мысль об особенном народе рутенском, отдельном и от малороссов, а не только от русских..., об особенной трехмиллионной галицко-русской народности..., которая не имеет ничего общего с украинцами, всегда сопротивлявшимися унии и обнаруживавшими непокорный демократический дух»⁴⁹.

Русинские патриоты не стремились к особому радикализму, ограничиваясь, в основном, чисто регионалистскими требованиями. Но поскольку австрийское правительство не шло навстречу даже этим требованиям, не соглашалось на административное разделение Галиции, их политическая игра усложнилась. Они стали искать средства давления на австрийские власти и нашли его в подчеркивании того обстоятельства, что «русинские составляют часть однородного великого народа русского, имеющего в России отличное национальное правительство, могущественную литературу и национально настроенное общество, которые, то есть и правительство и общество, не оставят беспомощными своих братьев в Австрии, отданных на притеснение полякам, венграм и немцам»⁵⁰.

«В этих обращениях взоров галицких патриотов на Россию было всегда своего рода двуличие или, по меньшей мере, не было прямоты и последовательности... Так называ-

⁴⁶ Драгоманов М. П. Русские в Галиции. // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины. М., 1908, с. 288.

⁴⁷ Там же, с. 292.

⁴⁸ Там же, с. 286.

⁴⁹ Там же, с. 293.

⁵⁰ Там же, с. 294.

емые галицкие «москвофилы»... никогда не переставали писать в Вену самые усердные верноподданические заявления на немецком языке, в которых заявляли, что русский народ в Галиции ждет блага только от Цесаря из Вены. А в то же время в своих изданиях... галицкие литераторы говорили о России как о единственном государстве, где русский народ может пользоваться тем чуть не райским состоянием, коим теперь уже пользуется население России, о русском государе, как о единственном царе всего русского народа и т. д.»⁵¹.

Так или иначе, но реальная общественная и политическая жизнь Галиции во второй половине XIX века породила несколько версий «украинства», которые тем или иным способом, с тем или иным весом входили в идеологическую ткань всех последующих политических событий. По одной из них, существовал единый русский народ «от Карпат до Камчатки», и русины, так же, как и украинцы (малороссы), образовывали неотъемлемую часть этого народа. По другой версии, русины были частью единого украинского народа, самостоятельного, отдельного от русского (великорусского). Наконец, согласно третьей версии, не существовало и единого украинского народа, русины сами представляли собой самостоятельный, отличный от украинцев, этнос. В зависимости от места, времени и исторических обстоятельств та или иная версия приобретала больше или меньше сторонников как в Галиции, так и в восточной части Украины, больше или меньше влияла на политические события. В какой-то момент возобладала версия единого украинского народа, другие же версии, хотя и не совсем исчезли, явно отошли на второй план.

Сторонники этой победившей версии потратили немало сил, чтобы дать ей «научное» обоснование, убедить себя и других в том, что выбор был сделан на основании объективных критериев. Однако на самом деле подобный выбор находится, по видимому, за пределами научной объективности. В этом лишний раз убеждает рассмотрение противоречивых доводов, приводившихся для доказательства, с одной стороны, единства всех украинцев, а с другой — их отличия от русских и вообще кого бы то ни было.

Наиболее убедительным, почти бесспорным доводом служит единство языка. Несмотря на то, что языковые различия между великороссами, украинцами и белорусами были не очень большими и нередко трактовались как различия между наречиями русского языка, они существовали, сохранялись столетиями, казались незыблемыми. Именно языковое единство указывало, в частности, на общность украинцев, живших в разных странах и даже имевших разную веру. Никакие границы здесь не мешали. «Все, писанное живым малорусским языком в России... там [в Галиции], принимается как свое, родное», — утверждал в конце XIX века Драгоманов⁵². Родной язык непроницаемой, казалось бы, броней ограждал украинский этнос от чуждых влияний, делал его независимым от частых перемен государственных судеб, защищал его целостность и самобытность. Но именно эта броня и стала разрушаться в то время, когда историческое развитие пробудило волю украинского общества к большей самостоятельности.

⁵¹ Там же, с. 299–300.

⁵² Там же, с. 323–324.

Она была прочна до тех пор, пока украинское население в своем большинстве оставалось сельским, маломобильным и неграмотным, а традиционные этнические интеграторы не знали конкуренции и воспроизводились естественным образом вместе с привычными, мало менявшимися формами жизнедеятельности народа. Но уже в XIX веке, особенно во второй его половине, украинское общество было сильно затронуто общим для империи кризисом локализма. Резко выросшая подвижность населения начала размывать языковое единство украинцев, его объединяющее значение стало слабеть. Все более и более широкие слои украинского населения — в крупных городах, в Сибири, Казахстане, Канаде, а то и в собственной деревне — становятся двуязычными, а порой и вовсе забывают родной язык, переходя на русский, польский, немецкий или английский. Этническое и языковое самоопределение расходятся.

Уже в связи с переписью населения 1897 г., когда этническая идентификация производилась по родному языку, высказывались опасения, по поводу возможного преувеличения численности великороссов за счет включения в их число говорящих по-русски невеликороссов, в том числе и украинцев. Сходные проблемы возникали с языковой идентификацией украинцев в Австро-Венгрии при переписи 1910 г. да и при учете эмигрантов на Западе. Поэтому уже в начале века некоторые авторы, ссылаясь на языковую ассимиляцию части украинцев, заинтересованность властей в занижении их численности и пр., не соглашались с упоминавшейся выше оценкой числа украинцев в мире (26–27 млн.), давали свою, более высокую — до 34 млн. (Грушевский) и даже 37 млн. (Нечуй-Левицкий)⁵³. Согласно советской переписи населения 1926 г., при которой отдельно задавались вопросы о родном языке и о национальной принадлежности, из 31,2 млн. человек, считавших себя украинцами, только 27,6 млн. (88%) назвали украинский своим родным языком⁵⁴. В 1989 г. из 44,2 млн. — 35,8 (81%), в том числе, на Украине из 37,4 млн. — 32,8 (снова 88%)⁵⁵. Что остается от украинства у потомка галицийских или полтавских крестьян, родившегося в Торонто, Владивостоке или даже Харькове и с детства говорящего по-английски (в первом случае) или по-русски?

Часто важным критерием этнического самоопределения может служить конфессиональная общность. Однако со времен Брестской церковной унии 1596 г. часть украинцев принадлежит к униатской церкви, другая осталась в православии, которое объединяло их с другими православными народами, в частности с русскими, отдаляя от униатов. Если добавить к этому безрелигиозность советского общества, то поиски конфессиональных основ украинского этнического единства едва ли окажутся успешными.

Обыденное сознание приписывает важное значение более или менее очевидным особенностям психологии, обычаев и т. п. Но у Милюкова, комментировавшего попытку Костомарова выявить психологические различия между украинцами и великороссами, были все основания не считать «научную почву достаточно подготовленной для изу-

⁵³ См. *Sembratovytch R. Le tsarisme et l'Ukraine. Paris, 1907, p. 22–23, 29.*

⁵⁴ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки, вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928, с. XXV.

⁵⁵ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991, с. 20, 78.

чения процессов создания и дифференциации народной психологии⁵⁶. Различия в психологии или обычаях существуют внутри каждого народа. От кого больше отличались жители Центральной России — от полтавских хлеборобов или от северных поморов? Было ли сходство, скажем, черниговских крестьян с галицийскими большим, нежели с курскими или воронежскими? Скорее всего, нет. «Условия истории и быта Галиции с XVIII века, — писал Драгоманов, — были настолько несхожи с жизнью в Малороссии, что все отношения даже в народе, а особенно в высших классах, более тронутые общественной и политической историей..., в Галиции вовсе не похожи на малороссийские»⁵⁷. Отнюдь не усилила общее украинское своеобразие и история нынешнего столетия, когда народные обычаи и традиции, некогда отвечавшие образу жизни украинского аграрного общества, прошли через горнило стремительной модернизации. Пусть даже мы согласимся с Рудницким, видевшим тысячелетнюю основу «совершенно оригинальной украинской этнологической культуры» в ее «самодостаточности, исключительно земледельческом характере, подчеркнутой несклонности, с одной стороны, к городской жизни, с другой — к степному кочевничеству»⁵⁸, и откажем в этих чертах культуре великорусской или белорусской. Все равно, за последние шесть-семь десятилетий Украина навсегда перестала быть «исключительно хлеборобской», вошла в число промышленных и высоко урбанизированных стран, а это не могло не подорвать основы ее традиционной «этнологической культуры», а значит и какого-то особенного этнического единства.

Еще один путь к выявлению особого украинского этнического поля — размежевание истории культур. В годы революционных потрясений и кратковременного существования независимого украинского государства его глава, историк М. Грушевский, подчеркивал «глубокую антитезу... двух близких по крови, но различных по духу» восточнославянских народов — украинцев и русских⁵⁹. «По сравнению с народом великорусским, — утверждал он, — украинский является народом западной культуры... Связанная тесно и непосредственно с Западной Европой..., Украина пережила, с небольшим опозданием, эпоху итальянско-германского возрождения (ренессанса), немецкой реформации и католической реакции, которая всей тяжестью упала на украинские земли в конце XVI в. В то время, как Московщина все больше растрчивала наследство, полученное от Киевской державы, и все глубже погружалась в восточные, вернее в средние и североазиатские влияния, Украина жила одной жизнью, одними идеями с Западом»⁶⁰. «Украина XIX века была оторвана от Запада, от Европы и повернута лицом на Север, уткнута носом в глухой угол великорусской культуры и жизни»⁶¹.

⁵⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993, с. 455.

⁵⁷ Драгоманов М. П. Русские в Галиции, с. 323–324.

⁵⁸ Рудницкий С. Основы землезнання України. [Друга книга. Антропологеографія України]. Прага, 1923, с. 302. По мнению Рудницкого, эти черты «кочень способствовали формированию и сохранению своеобразного чисто арийского мировоззрения» (там же).

⁵⁹ Грушевський М. Кінець московської орієнтації. // Грушевський М. На порозі нової України: гадки і мрії. К., 1991, с. 13.

⁶⁰ Грушевський М. Наша західна орієнтація. // Грушевський М. На порозі нової України..., с. 14.

⁶¹ Там же, с. 16.

Спору нет, западнорусские земли всегда были ближе к Европе — и не только географически. Долгое время они раньше и полнее усваивали западные влияния, были посредниками в их проникновении в Москву. Церковная уния еще больше усилила здесь «западную ориентацию». Как писал Г. Флоровский, «с самого начала вопрос об Унии был поставлен как вопрос культурного самоопределения. Уния означала самовключение в западную традицию. Это было именно религиозно-культурное западничество»⁶². Но было ли оно естественно, органично для тогдашней Украины? Изменились ли к XVI веку условия настолько, чтобы оформившееся еще в X веке религиозно-культурное размежевание утратило смысл?

Оценивая культурно-религиозные события XVI века, Флоровский замечает, что это была «первая и открытая встреча с Западом. Можно было бы сказать, свободная встреча, — если бы она не окончилась не только пленом, но именно сдачей в плен. И потому эта встреча не могла быть творчески использована... Кругозор киевских эрудитов был достаточно широк, связь с Европой была очень оживленной, и до Киева легко доходили вести о новых движениях и исканиях на Западе. И, однако, была некая обреченность во всем этом движении. Это была псевдоморфоza религиозного сознания, псевдоморфоza православной мысли...»⁶³. Украина не смогла включиться в движение Запада, киевская западная ориентация XVI в. оказалась, по-видимому, преждевременной, «верхушечной». «Беда наша была в том, — замечает Драгоманов, — что наше просветительское движение XVI в., на котором сказалось влияние европейского возрождения наук и реформации, не состоялось из-за Брестской Унии и вызванной ею православно-казацкой реакции»⁶⁴. Флоровский пишет об отступничестве церковных иерархов, в культурно-религиозном плане «вся тяжесть самозащиты падает на церковный народ»⁶⁵. Но последующие события показали, что и народ в более широком смысле не принял «западничества» и ответил на него массовым движением на восток и, в конечном счете, переходом под власть московского царя.

Одной из причин этого неприятия было, конечно, ухудшение экономического и социального положения западно-русского — украинского и белорусского — населения, особенно крестьян после образования в 1569 г. Польско-литовского государства. Но ведь и в Московском государстве, замечает Довнар-Запольский, «внутренние дела были едва ли не хуже»⁶⁶. А «за пределами «высокой власти» московского государя все были басурмане: и поляки, и турки, татары и даже православные малорусы и белорусы, которых московские политики не могли отличить от соседних поляков и литовцев»⁶⁷. И тем не менее, при всех превратностях противоречивых событий XVI–XVII столетий, да и позднее, граница между тремя восточнославянскими народами неизменно оказывалась менее важной, нежели межа, отделявшая их от западных европейских соседей, и при

⁶² Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937 (Вильнюс, 1991), с. 41.

⁶³ Там же, с. 56.

⁶⁴ Драгоманов М. П. Чудацькі думки про українську національну справу. // Драгоманов М. П. Вибране. Київ, 1991, с. 535.

⁶⁵ Флоровский Г. Цит. соч., с. 31.

⁶⁶ Довнар-Запольский М. В. Белорусское прошлое. Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909, с. 333.

⁶⁷ Там же.

всех последующих «встречах с Западом» проступали общие черты их особой, своеобразной социальности.

Эта общность проявилась и в реакции на петровские реформы. Они были огромным шагом навстречу Западу, но, в отличие от Брестской церковной унии, — не «сдачей в плен». Петр и его последователи стремились не просто заимствовать плоды западной учености, но, пересадив западные нововведения на русскую почву, в конце концов изменить саму эту почву, заставить ее плодоносить не хуже европейской, включиться в европейское движение. Пусть многое из задуманного не удалось, и задача оказалась гораздо сложнее, чем думалось реформаторам. Но это была не подражательная, а выдвинутая самой русской жизнью, творческая задача, и общество откликнулось на нее. При этом изменилось и соотношение киевского и московского, ставшего петербургско-московским, культурных пластов.

Великорусская культура много взяла от украинской, без этого фундамента могло не быть и всех ее последующих успехов. Еще и в XVII веке, писал Драгоманов, культурный уровень на Украине был выше московского «и украинцы много послужили тогда московской культуре»⁶⁸. Но уже в ту пору Москва проложила свои собственные пути на Запад и в чем-то оказалась более восприимчивой к контактам с Европой и к ее новейшим культурным влияниям. Петровские же реформы сразу поставили перед Россией «задачи светские, широкие и свежие, рядом с которыми задачи поповско-казацкой Украины оказались узкими и устаревшими... В этой отсталости Украины по сравнению с Москвою можно и нужно винить исторические обстоятельства XVII в., которые не позволили казацкой Гетманщине превратиться в новоевропейское цивилизованное государство... Среди этих обстоятельств есть и вина перед Украиною Московского правительства. Но это не меняет того факта, что к концу XVII века в Московии сложились условия для культуры более широкой и свежей, по крайней мере, в высших слоях общества (в более низких украинцы и донныне культурнее москалей!) и что к этой культуре с XVIII в. украинцы потянулись добровольно»⁶⁹.

Все это в гораздо меньшей мере относится к западной части земель, населенных украинцами и принадлежавших некогда Киевской Руси, но оставшихся за пределами России. Мысль Грушевского о западной ориентации украинской культуры, собственно, и относится прежде всего к Западной Украине, «в которой в XIII в. сосредоточилась украинская жизнь»⁷⁰. О западных украинцах XIX века Драгоманов писал, что «если взять галичан, как они есть, „живьем“, то они окажутся в ином отношении больше похожи на поляков, словаков и т. д., чем на наших малороссов»⁷¹. Но уже тогда было ясно, что Западная Украина была не просто частью Запада — она была его окраиной, в ее западности было очень много провинциализма. Свет Запада был неплохим, но для Галиции или Буковины это был отраженный свет.

На «Востоке» же — в России — Восточная Украина была частью русского «центра», метрополии, украинцы вместе с великороссами образовывали ядро российского общест-

⁶⁸ Драгоманов М. П. Чудацькі думки..., с. 537.

⁶⁹ Там же, с. 536–537.

⁷⁰ Грушевський М. Наша західна орієнтація, с. 14.

⁷¹ Драгоманов М. П. Русские в Галиции, с. 321.

ва. Украинцы и русские имели общую веру, следовали одним и тем же цивилизационным ценностям, жили в одной и той же экономической системе, принимали участие в создании и укреплении имперской государственности и т. д. Киев всегда был общепризнанной святыней, одной из духовных столиц империи. Самое же главное то, что оба народа на протяжении столетий совместно участвовали в решении главных исторических задач российского общества: колонизации и модернизации. Эти задачи, требовавшие огромного напряжения сил, порождали и внутреннее, духовное напряжение, неустанную работу ума и сердца, плодом которой и была новая русская культура, в такой же степени великорусская, как и украинская. Можно сколько угодно доказывать, что Гоголь и Достоевский — украинские писатели, а В. Соловьев — украинский философ, но это будет не в меньшей степени фальшиво, чем утверждение их исключительной «великорусскости». Они писали по-русски, но принадлежали единому обществу и отражали его общие идейные искания. Эта культурная общность (не исключавшая, конечно, и особенности) была важна и для Западной Украины. По ряду причин, в том числе и конъюнктурно-политических, Восточная Галиция в XIX веке стала на время «бастионом украинства». Но не чувствовала ли она всегда за своей спиной культурную опору российского украинства, сильного не своей многочисленностью и не самой по себе принадлежностью к царской империи, а участием в напряженном духовном труде российского общества, уходившего от своего средневековья. «Довольно припомнить, — писал Драгоманов, — что первые малорусские писатели и ученые родились на левом берегу Днепра и воспитались большей частью далеко от всякого польского влияния, в Полтаве, Харькове, даже Москве и Петербурге, и что до сих пор главная масса литераторов, этнографов и ученых малорусских почти исключительно состоит из левобережных уроженцев»⁷².

Проблема самоидентификации была не единственной, которая занимала украинское общество. Подъем национального движения породил в начале XX столетия планы объединения всех украинцев в едином государственном образовании, имеющем ту или иную степень самостоятельности. Поскольку прежде самостоятельного украинского государства не существовало, любые требования, касающиеся оформления украинской государственности сразу же упирались в вопрос о том, что считать Украиной, как провести ее границы. Предпринимались разные попытки ответить на этот вопрос. В частности, украинские географы пытались обосновать «естественные», физико-географические границы Украины, доказывая единство ее территории как особой морфологической области Европы⁷³. Однако главным принципом, который отстаивали представители разных украинских движений, стал принцип «этнографических границ», который противопоставлялся принципу «исторических прав», а по существу, и европейскому принципу национальных государств. Под этнографическими понимались границы компактного расселения украинцев, как оно сложилось к началу XX века. Это расселение тщательно изучалось, составлялись специальные географические карты, на основе которых проводились границы Украины еще тогда, когда речь шла о создании национально-территориальных автономий внутри Российской империи и о размежевании Украины с другими

⁷² Драгоманов М. П. Евреи и поляки в Юго-западном крае. // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1, с. 250.

⁷³ См., напр.: Рудницький С. Коротка географія України, с. 8–9; Геріноквич В. Нарис економічної географії України. Частина географічна, т. II.

такими автономиями. Грушевский настаивал, например, на применении этого принципа при размежевании с Польшей, с чем не соглашались поляки. «Украинцы... признают законность требований автономии Польши в ее этнографических границах. С польской же стороны принцип этнографической территории подменяется принципом историческим: поляки требуют автономии для Польского королевства в границах, установленных Венским конгрессом»⁷⁴.

С особой силой требование превращения этнографических границ в государственные зазвучало после провозглашения независимости Украины в 1917 г. При определении ее границ в них вошли 8 губерний бывшей Российской империи, в которых украинское население составляло большинство — Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская и Черниговская, а также Таврическая (без Крыма), при этом предполагалось, что в дальнейшем границы будут уточняться с учетом того, что часть компактно заселенных украинцами территорий осталась за пределами Украины.

Позднее, при гетмане Скоропадском, была создана специальная комиссия, которая значительно расширила территориальные притязания Украинской республики. В частности, она провозгласила, что «границы неделимой Украины должны охватывать и населенные украинским народом земли бывшей Австро-Венгерской империи», а также, что «Крым и Кубань с Причерноморьем могут быть только федеральными частями Украины»⁷⁵. Предложенная комиссией карта границ была подвергнута критике новой комиссией, указавшей на пропуск многих «украинских этнографических территорий». В ее заключении стоит отметить притязания на часть Кавказа и даже Закавказья. «На Северном Кавказе Украина должна включать западные части Ставропольской губернии, Терского округа и весь Кубанский округ, в котором российский т. наз. линейный элемент играет целиком подчиненную роль, представляя собой только острова среди украинской массы, продвинутой до самого Главного Кавказского хребта. За Кавказским хребтом в границы Украины должны входить вся Черноморская губерния и Сухумский округ, то есть юго-восточная граница Украины должна проходить по р. Ингури, за которой начинается этнографическая Мингрелия — часть Грузии. (Нынешний момент позволил грузинам захватить [не] только правый берег Ингури, но также и Очимчири, Сухум, Дранды, Сочи, то есть земли, которые лежат далеко за границами этнографической оседлости Мингрелии)»⁷⁶.

Как ни странно, планы объединения украинской территории «от Карпат до Кавказа» в ее «этнографических границах» осуществились — хотя и не полностью, но в очень большой степени. Произошло это не сразу. Некогда Драгоманов полагал, что «единство политической жизни галичан с малороссами возможно только или вследствие трудно-вообразимой международной катастрофы, или как результат долговременной жизни,

⁷⁴ Грушевський М. Українці. // М. С. Грушевський. Історія України. Київ, 1992, с. 238.

⁷⁵ Государственные границы Украинской Народной Республики. Пояснительная записка. Подготовлена комиссией под председательством С. Шелухина при гетмане Скоропадском. «Розбудова держави», 1994, 6, с. 31–32.

⁷⁶ Пояснительная записка проф. Й. Пеленского по поводу этнографических границ целостной украинской территории (март 1919 г.). «Розбудова держави», 1994, 6, с. 35.

которая, может быть, изменит и малороссов и галичан так, что они не будут похожи на телерешних»⁷⁷. Понадобились две труднообразимые мировые катастрофы, чтобы украинцы объединились в одном государстве. Первая, неудачная попытка такого объединения была связана с Первой мировой войной. Она привела лишь к новому раздроблению украинских земель. После распада Австро-Венгрии и короткого пребывания в составе независимой Украины Галиция была присоединена к Польше. Румыния получила Буковину и Бессарабию, Чехословакия — Закарпатье.

Вторая попытка была более удачной. Можно сказать, что мечты сторонников воссоединения всех украинских земель с наибольшей полнотой реализовал Сталин (или Сталин совместно с Гитлером). В ходе европейских перегруппировок, обусловленных сперва подготовкой, а затем завершением Второй мировой войны, в состав советской Украины в сентябре 1939 г. была включена принадлежавшая до этого Польше (по Рижскому договору 1921 г.) Западная Украина, в июне 1940 г. — относившиеся к Румынии Северная Буковина и часть Бессарабии, в 1945 г. — Закарпатская Украина (в прошлом принадлежавшая Венгрии, но в 1919–1938 гг. входившая в состав Чехословакии). Только на самом последнем акте формирования нынешней территории Украины не лежит тень мировых катастроф: в феврале 1954 г., по случаю празднования трехсотлетнего юбилея соединения Украины с Россией, Украине был передан Крым, никогда прежде не считавшийся украинской территорией и не имевший значительного украинского населения.

В то же время часть территории нынешнего Краснодарского края Российской Федерации, некогда заселенная украинцами, осталась за границей Украины. Выше уже упоминалось об украинском происхождении части кубанского, а в какой-то мере даже и донского и терского казачества. В 1926 г. территория бывших Донского, Терского и Кубанского казачьих войск входила в состав Северо-Кавказского края. Перепись населения зафиксировала здесь 2302 тыс. казаков, из которых 58% считали себя русскими, а 42% — украинцами, хотя более 30% казаков-украинцев назвали своим родным языком русский⁷⁸. Всего же в Северо-Кавказском крае, согласно переписи 1926 г., проживало 3,1 млн. украинцев (37% населения края), живших к тому же весьма компактно в западной его части, где их доля достигала 80–90%⁷⁹. Но впоследствии, по разным причинам, в частности и из-за изменившейся этнической самоидентификации населения, вероятно, не всегда добровольной, доля украинцев резко сократилась. Уже по переписи 1959 г. в Краснодарском крае она составила всего 4%⁸⁰.

Вопрос о границах Украины и об объединении в этих границах всех украинцев не всегда связывался с вопросом о существовании ее как самостоятельного государства. В истории Украины, ее отношений с соседями — Россией, Польшей, Турцией — можно найти самые разные эпизоды борьбы, более или менее устойчивых политических сою-

⁷⁷ Драгоманов М. П. Русские в Галиции, с. 322.

⁷⁸ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов на Дону, 1928, с. 3.

⁷⁹ Гозулов А. И. Морфология населения. Ростов-на-Дону, 1929, с. 170.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Бежкович А. С. Современный этнический состав населения Краснодарского края. // Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии, вып. 5. Л., 1967, с. 126–142.

зов, успешных и неудачных войн, политических интриг — во имя собственных интересов, большей самостоятельности — вплоть до создания независимого государства. И все же история украинского этноса относительно бедна попытками создать собственную государственность. Существовавшая с XVI по XVIII век. Запорожская Сечь обладала лишь ее некоторыми неразвитыми атрибутами. В XVI веке руководимое Хмельницким антипольское и антикатолическое движение содержало и требования некоторой государственной самостоятельности, но они были достаточно умеренными, не шли дальше той или иной степени автономии внутри России. В конечном счете, Украина не получила и этой автономии, сама Запорожская Сечь была упразднена Екатериной II, что не встретило сколько-нибудь сильного противодействия.

Вероятно, это объясняется относительной неразвитостью украинской аристократической элиты. Та же элита, которая существовала, часто украинско-польская или украинско-русская, по-видимому, была каким-то образом удовлетворена своим положением в тех государствах, в которых она жила, и не испытывала слишком большой заинтересованности в изменении *status quo*.

XIX век открыл совершенно иную, новую страницу в поисках государственного самоопределения Украины. Они были порождены кризисом обеих восточноевропейских империй и пробуждением в них антицентралистских сил. Постепенная модернизация российского и австровенгерского обществ, как и везде, привела к появлению нового, более широкого слоя региональной элиты, сделала необходимым передел власти да и изменение самой ее структуры, что может быть описано в терминах перехода от моноцентрического вертикального, «аристократического» к полицентрическому горизонтальному, «демократическому» обществу. Отстаивавшая свои интересы новая украинская элита искала опоры в пробуждении массовых национальных чувств, придававших этническую окраску общедемократическому движению. В Галиции, где главным конкурентом поднимавшейся украинской буржуазии была буржуазия польская, это нередко приводило к усилению пророссийских настроений. В левобережной же Украине, напротив, наиболее естественным был подъем настроений антирусских, вырабатывалась соответствующая идеология и мифология. «Люди оппозиции находили в прошлом Малороссии зародыши строя, к которому они стремились в силу новых европейских идей... На „москалей“, „московские порядки“ стали смотреть как на губителей „воли казацко-украинского народа“. Собственно, слово „народ“ тут ставилось по обычаю, а под ним разумелись только казаки или, еще чаще, старшина»⁸¹.

События на Украине развивались в целом по той же схеме, что и в других частях Европы. Согласно М. Хроху, изучавшему национальные движения меньшинств во многих европейских странах в XIX веке, все они проходили через три главных этапа: исследовательский и просветительский (этап А); патриотического оживления, когда группы патриотов «уже не довольствовались интересом к прошлому своей земли, языку и культуре, а видели свою миссию в распространении национального самосознания среди народа» (этап В); подъема массового национального движения (этап С)⁸². Этапы А и осо-

⁸¹ Драгоманов М. П. Евреи и поляки в Юго-западном крае, с. 253.

⁸² Hroch M. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge, 1985, p. 23.

бенно В очень важны для подготовки патриотических настроений, однако решающая роль принадлежит этапу С, на котором в дело вступают уже коренные интересы основных социальных групп. «Там, где национальные движения в фазе В были неспособны связать с национальным оживлением и истолковать в национальных терминах интересы конкретных классов и групп, из которых складывалась малая нация, они не могли и добиться успеха. Оживление, которое требовало внимания только к языку, национальной литературе или другим надструктурным атрибутам — истории, фольклору и т. д., — не могло само по себе привести народные слои под патриотические знамена: путь от этапа В к этапу С оказывался закрытым, в некоторых случаях обрывался»⁸³. Однако и без двух первых этапов обойтись было нельзя, потому что они создавали «национальную упаковку», необходимую для политического действия. «То, что описывалось в сочинениях патриотов в свое время и косвенно представляется в работах историков как „национальный интерес“, есть трансформированный и сублимированный образ материальных интересов вполне определенных конкретных классов и групп»⁸⁴.

На Украине все также началось с естественного на первом этапе интереса к просвещению на национальной основе, подчеркивания украинской самобытности, стремления к украинскому единству, растущего внимания к собственной истории и культуре, фольклору, с защиты от посторонних влияний родного языка и т. д. Выразителями этого интереса — тоже, как и везде, — стали представители складывающегося «среднего класса»: литераторы, университетская профессура, школьные учителя, священники, вообще «образованные люди». Они же часто превращались и в носителей политических идей, связывавших подъем национального начала с деятельностью, направленной на ослабление власти имперского центра⁸⁵.

Подъем украинских национальных настроений в середине XIX века очень насторожил российских имперских политиков и вызвал резкую антиукраинскую реакцию, в конечном счете, лишь давшую моральное оправдание борьбе против притеснений украинства и укрепившую пробудившееся национальное чувство. Антиукраинские репрессии российского правительства только подталкивали радикализацию национальных требований, которые, в конце концов, вылились в лозунг «самостійної України». Он был выдвинут в 90-е годы XIX века как на востоке, так и на западе Украины. По утверждению историка Н. Полонской-Василенко, «стремление создать независимое государство, осознание потребности в нем — главное достижение украинского народа в XIX в.»⁸⁶.

Долгое время, однако, радикальный лозунг «самостійності» был не единственным и даже не главным. Кризис имперских отношений еще не достиг кульминации, а никто

⁸³ Ibid., p. 185–186.

⁸⁴ Ibid., p. 185.

⁸⁵ О. Субтельный говорит о развитии на Украине XIX в. «идеи национального самосознания, которая базируется на этнической тождественности», указывая при этом на влияние идей Французской революции и концепции Гердера (*Субтельный О.* Цит. соч., с. 280). Оба эти влияния были, но подталкивали ли они в одном и том же направлении? Гердера, вероятно, и впрямь можно считать одним из основоположников этнической теории нации, но французы пошли по другому пути.

⁸⁶ Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 2. Київ, 1992, с. 332–333.

лучше тогдашней региональной элиты, в том числе и украинской, не понимал, какие огромные перспективы сулила возможность экономических и политических действий на всей имперской арене, если бы удалось хоть немного расширить права регионов. Отсюда — долго сохранявшаяся умеренность требований. Они были федералистскими, не шли дальше национально-территориальной автономии Украины в рамках федеративного Российского государства. «Формой, которая наилучшим образом обеспечивает беспрепятственное существование и развитие народностей и областей, — писал незадолго до революции Грушевский, — ...прогрессивная украинская платформа признает национально-территориальную автономию и федеративное устройство государства. Она провозглашает необходимость перестройки государства на принципах национально-территориальной автономии»⁸⁷. По-видимому, федералистская программа отвечала более или менее массовым настроениям того времени, сепаратистские же лозунги не пользовались популярностью ни перед революцией, ни во время, ни после нее. «Украинское национальное движение на этом этапе не вызвало широкого отклика ни у крестьян, ни у промышленных рабочих. Оно оставалось занятием небольшой группы энтузиастов-интеллектуалов, состоявших главным образом из преподавателей самого разного уровня (от университетских профессоров до сельских учителей), литераторов и священников»⁸⁸.

Но у украинского сепаратизма в его споре с более умеренным федерализмом был тот же могучий помощник, что и у всех других российских сепаратизмов — имперский великодержавный централизм. Его жесткая, не признающая никаких уступок унитаристская позиция постоянно подталкивала к ответной жесткости украинских националистических требований. Украинский национализм объективно подогревался ощущением ущербности положения новой украинской элиты и вообще всех пришедших в движение слоев украинского населения на общеимперской экономической и политической сцене. Когда русские «патриоты», признавая украинцев частью русского народа, не желали ничего слышать об украинском языке, они расписывались в своем стремлении закрепить эту ущербность, второсортность навсегда. Даже если сначала преследование украинского языка побуждало украинцев на борьбу только с культурным русификаторством, такая борьба, порождаемые ею настроения, в свою очередь, сплачивали более широкую оппозицию «москалям». Внутри нее уже трудно было отличить чистую любовь к родному языку и родному преданию от экономических и политических интересов поднимавшейся новой украинской элиты. На волне нараставшего общего кризиса империи она начинала искать радикальных путей создания своей собственной «сцены», где она сама была бы хозяином. А жесткая агрессивная позиция великорусских шовинистов как будто намеренно изо дня в день убеждала украинских сепаратистов и колеблющихся федералистов, что никакого другого пути Украине не оставлено.

В результате, несмотря на отсутствие массовых сепаратистских настроений, подспудная готовность принятия лозунга «самостійності» все же существовала и дала себя

⁸⁷ Грушевський М. Українці, с. 231–232.

⁸⁸ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. Т. 1, 2. М., 1990, с. 237.

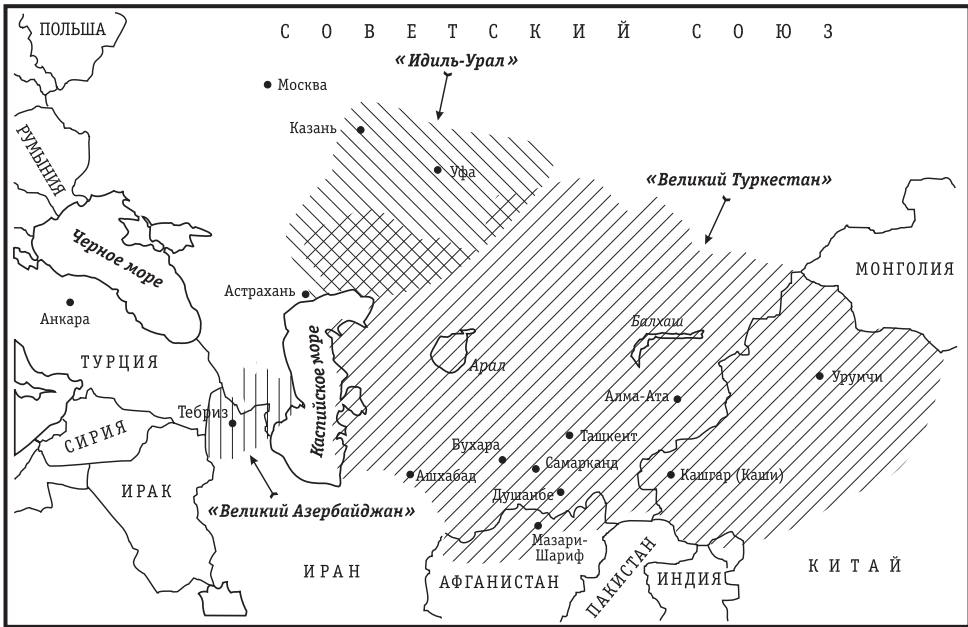
знать, когда кризис империи достиг кульминации и разразилась революция. Украина провозгласила свою независимость, а недавний федералист Грушевский стал первым главой независимого Украинского государства. Но даже и тогда он считал возможным отстаивать эту независимость, «не разрывая с федералистской традицией как ведущей идеей... национально-политической жизни», и не исключал того, что Украина установит федеративную связь «с теми, с кем ей будет по дороге»⁸⁹. Он как будто чувствовал, что спор федерализма и сепаратизма решен еще не окончательно.

—Ⲕⲁⲃⲟⲩⲓⲉ 9.1. ⲁⲟⲔⲉⲁⲩⲩ ⲐⲉⲃⲁⲔⲓ ⲁ ⲁ «ⲩⲟⲩⲓⲉ ⲁⲃⲁⲃⲉⲓ ⲁⲃⲁⲓⲃⲁⲩⲩ»

ⲁⲃⲁⲓⲃⲁⲩⲩ: Kowalewski Z. *L'Ukraine: réveil d'un peuple, reprise d'une mémoire*. Hérodote, 1989, n° 54–55, p. 103.

⁸⁹ Грушевський М. Українська самостійність й її історична необхідність. // Грушевський М. На порозі нової України..., с. 75–76.

«Ильичевская Туркестанская область»
«Великий Азербайджан»

Bezanis L. Soviet Muslim emigres in the Republic of Turkey. «Central Asian Survey», 1994, 1, p. 180.

9.5. «Русская марксистская теория нации»

И в самом деле, провозгласить самостоятельность и независимость многих частей империи оказалось легче, чем их сохранить. В большинстве случаев у региональных элит не нашлось ни нужной силы, ни достаточной социальной опоры для того, чтобы отстоять самостоятельность, а может быть, и их стремление к этому было не столь сильным и определенным. В начале 20-х годов большинство отсоединившихся частей империи снова оказались в границах единого государства.

Восстановление империи в советское время шло под федералистскими лозунгами. Хотя, как мы видели, еще в 1913 г. Ленин возражал против «федеративного принципа», в написанной им и принятой в январе 1918 г. Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа провозглашалось, что «Советская Российская республика учреждает»

сая... как федерация Советских национальных республик»⁹⁰. Этот принцип был воспроизведен и подтвержден в 1922 г. при создании СССР.

Советский федерализм пошел по тому заведомо противоречивому пути, на котором в дореволюционную пору настаивали федералистски настроенные представители национальных движений: воплотил в жизнь идею национально-территориальных автономий. Таким образом, он, как и эти движения, пытался решать одновременно два разных вопроса. Один из них — вопрос о перераспределении полномочий между центром и областями — возник вследствие усложнения всей пространственной организации общества и того, что мы назвали кризисом централизма. Другой — вопрос о новой самоидентификации — был вызван к жизни кризисом локализма: миллионы людей впервые вышли — и буквально, физически, и в более широком экономическом, социальном и культурном смысле — из замкнутой местной среды и оказались в непривычном, лишенном прежних перегородок, конкурентном пространстве, в котором им теперь предстояло жить.

Волею исторических обстоятельств оба вопроса соединились под крышей национальных движений, но соединились противоречивым, «консервативно-революционным» образом: решение модернизационной федералистской задачи (перемены) сочеталось со ставкой на сохранение, даже укрепление разрушавшихся этнических перегородок (отказ от перемен). Разумеется, эта противоречивая стратегия не была следствием чьего-то недопонимания — другими средствами решения своих задач тогдашнее российское общество не располагало. Путь был вынужденным, годился только как временный, промежуточный. Стоило краткосрочному симбиозу федерализма и национализма превратиться в основу долговременной стратегии, и тупик становился неминуемым. Именно это и произошло в советское время.

Когда после революции большевики перешли на позиции федерализма, они оказались неспособны критически отнестись к его противоречивому дореволюционному наследию. Ведь еще по словам дореволюционного комментатора, в социал-демократической программе, «охотно рисуемой будущей социальной и политической строй в самых детальных подробностях, будущее национального вопроса осталось вне поля зрения; партия не сумела даже различить границ этого вопроса от соседнего, но далеко не идентичного с ним вопроса областного»⁹¹. Видит Бог, это была правда, тем более странная, что социал-демократы в обеих восточно-европейских империях — Австро-Венгрии и России — очень много занимались «национальным вопросом». Сейчас более чем ясно, насколько противоречивой была их тогдашняя позиция: они пытались совместить несовместимое.

⁹⁰ Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. // Полн. собр. сочинений, т. 35, с. 221. Правда, и в это время Ленин не скрывал своих централистских убеждений. И в 1917 г., когда он писал «Государство и революцию», и в 1918 г., когда он переиздавал эту работу с некоторыми изменениями, он продолжал настаивать на том, что федерализм вытекает «из мелкобуржуазных воззрений анархизма» и что «только люди, полные мещанской „суеверной веры“ в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!» (Государство и революция. // Полн. собр. сочинений, т. 33, с. 53). Возможно, признание федерализма было для Ленина таким же маневром, как и признание «социализации земли».

⁹¹ Славинский М. Цит. соч., с. 298.

С одной стороны, следуя марксистской идее единства исторического процесса, они высоко оценивали западный опыт создания национальных государств и считали, что он указывает на главное направление движения для всех стран. «Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих... требованиям современного капитализма, — писал Ленин незадолго до 1917 года, — является... тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода, является поэтому национальное государство»⁹². Ленин с одобрением цитировал слова Каутского о том, что пестрые в национальном отношении государства — это всегда государства, «внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым», «отсталым»⁹³, и неоднократно подчеркивал, что «самоопределение наций» «в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения кроме как политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства»⁹⁴.

С другой же стороны, восточноевропейские марксисты вовсе не собирались расставаться со своими «лоскутными империями», «тюрьмами народов» и т. п. — они лишь рассчитывали их усовершенствовать, превратить империю в «союз». Каутский, например, был убежден в долговечности Австрийской империи. Признавая, что «Австрия являет собой проблему национальностей в ее наиболее сложной и трудной форме», он тем не менее утверждал: «Можно что угодно думать о дальнейших судьбах Австрии..., верным является лишь то, что при данном соотношении сил в этом государстве оно не стоит перед распадом»⁹⁵. Как полагал О. Бауэр, «историческое развитие ведет не к распаду Австрии, в сохранении которой чисто экономически заинтересованы все ее народы, а к преобразованию Габсбургской монархии в союзное государство национальностей»⁹⁶.

Не спешили хоронить свою империю и русские большевики, на словах занимавшие крайнюю позицию и требовавшие права наций на самоопределение и образование самостоятельных государств. Как замечает Авторханов, «Ленин боролся против царской империи не потому, что она империя, а потому, что она — царская»⁹⁷. Выработанная Лениным перед Первой мировой войной и реализованная впоследствии в СССР программа национально-территориального устройства не предусматривала ни ликвидации империи, ни даже существенной ее реорганизации на каких-то менее «централистских» началах. Марксисты, — утверждал Ленин, — «относятся враждебно к федерации и децентрализации — по той простой причине, что капитализм требует для своего развития возможно более крупных и возможно более централизованных

⁹² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. // Полн. собр. сочинений, т. 25, с. 259.

⁹³ Там же, с. 260.

⁹⁴ Там же, с. 263.

⁹⁵ Каутский К. Национальность и международность. // Марксизм и национальная проблема. Сборник первый. Харьков, 1924., с. 181.

⁹⁶ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. (Изложение). // Марксизм и национальная проблема, с. 121.

⁹⁷ Авторханов А. Империя Кремля. Вильнюс, 1991, с. 9.

государств, при прочих равных условиях сознательный пролетариат всегда будет отстаивать более крупное государство. Он всегда будет бороться против средневекового партикуляризма, всегда будет приветствовать возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий»⁹⁸.

Все, что марксисты писали по национальному вопросу, они обычно окружали ореолом научности, постоянно приспособляя «теорию» к нуждам своей практической политики. В частности, австромарксисты потратили немало сил на теоретическое обоснование сохранения австро-венгерского территориального конгломерата. Обвиняя «косопополитический либерализм» в том, что он «поддерживал стремление греков, южноамериканских народов, итальянцев и мадьяр к государственной самостоятельности», О. Бауэр утверждал, что это не соответствовало новому этапу развития капитализма, идеал которого состоял теперь «уже не в национальном государстве, а в государстве национальностей»⁹⁹. Примерно так же рассуждал и Ленин. Говоря о национальных государствах как общем для «всего цивилизованного мира» правиле, сам он это правило без труда обходил. Признав существование «двух исторических тенденций в национальном вопросе», — стремления к образованию национальных государств, с одной стороны, и «развития и учащения всяческих сношений между нациями, ломки национальных перегородок, создания интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»¹⁰⁰ — с другой, он достаточно произвольно развел обе тенденции во времени и утверждал, что «первая преобладает в начале его [капитализма] развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»¹⁰¹. Такой поворот мысли позволял в дальнейшем без конца признавать первую тенденцию, не забывая каждый раз подчеркнуть ее капиталистическую природу, но в нужный момент опереться на вторую, «социалистическую».

На самом деле ничего научного, специально «социалистического» или «марксистского» в подобных взглядах на будущее империй — хоть российской, хоть австрийской — не было. Каутский не скрывал, что и он, и О. Бауэр вступали в противоречие с Марксом и Энгельсом, точка зрения которых «стала в этом вопросе несостоятельной»¹⁰². А Бауэр утверждал, что «в борьбе с мадьярским сепаратизмом сама корона вынуждена выступить с идеей „Соединенных Штатов Великоавстрии“, с идеей единого союзного государства национальностей»¹⁰³. Так что австромарксисты в каком-то смысле оказались на стороне короны и в то же время — в оппозиции к западному, либеральному варианту организации отношений между нацией и государством, который К. Реннер, а вслед за ним и О. Бауэр называли «централистски-атомистическим». Сейчас не важно, какие доводы приводили они против принципа, отвергающего национальные перегородки внутри государства и признающего лишь идею согражданства, достаточно отметить, что

⁹⁸ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. // Полн. собр. сочинений, т. 24, с. 143.

⁹⁹ Бауэр О. Цит. соч., с. 122.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу, с. 124.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Каутский К. Цит. соч., с. 145.

¹⁰³ Бауэр О. Цит. соч., с. 121.

они считали ее худшим вариантом, чем предлагавшееся ими «органическое регулирование» отношения нации к государству в рамках «государства национальностей». По-видимому, речь шла о достаточно распространенных идеях, которые, возможно, были совершенно утопическими, но носились в воздухе. На них и делали ставку политики, искавшие широкой общественной поддержки.

Так или иначе, но накануне Первой мировой войны будущее как Австро-Венгерской, так и Российской империй представлялось марксистским сторонникам «принципа национальности» в виде тем или иным способом организованных многонациональных государств. Как полагали австромарксисты, идея национальной автономии «дала принципу национальности новое направление»¹⁰⁴. Для них она «не означала никоим образом преодоления идеи национального государства, а лишь приспособление этой идеи к особым отношениям Австрии, преобразование ее в союз национальных организаций — своего рода национальных государств»¹⁰⁵. Ну а русские марксисты — те не просто на свой манер восприняли и развили эту идею, но, как они были уверены, воплотили ее в жизнь. СССР как раз и представлял собой, по замыслу, союз национальных государств. Однако был ли он им по существу?

Союз государств — вещь не новая, но что такое союз государств, составляющих в то же время единое государство, понять нелегко. Не лучше обстоит дело и с многонациональным государством — с «западной» точки зрения это — *contradictio in adjecto*, государство и нация — это одно и то же, *Etat-nation*. Чтобы уйти от всех подобных вопросов и противоречий, восточноевропейским, в том числе и русским марксистам, пришлось переопределить само понятие нации, сообщить ему смысл, противоположный западному, от которого они первоначально отталкивались.

В СССР теоретическое понимание «нового направления принципа национальности» получило свое логическое завершение. Произошла полная подмена понятий, слово «нация» приобрело иной смысл, совсем не тот, какой оно имело у Ренана, вообще, когда речь шла о национальных государствах. Нация оказалась полностью оторванной от государственной территории. Сталин, перечислявший различные признаки нации¹⁰⁶, объявлял недопустимой ошибкой рассматривать даже в качестве одного из них наличие собственного национального государства¹⁰⁷. Национальная принадлежность не предполагала никаких устойчивых гражданских связей человека с территорией его рождения или проживания. Быть украинцем или узбеком вовсе не означало быть гражданином Украины или Узбекистана, которые формально как раз и следовало рассматривать как объединенные союзом национальные государства. Это не означало также жить на Украине или в Узбекистане, говорить по-украински или по-узбекски, учиться в украинской или узбекской школе, знать украинскую или узбекскую историю и культуру. Что же это означало? Национальная принадлежность в СССР получила, если можно так сказать, этнобиологическую, близкую к расовой трактовку. Она назначалась раз и навсегда — «по крови», то есть по национальности одного из родителей, ни выбирать (помимо выбора

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Каутский К. Цит. соч., с. 184.

¹⁰⁶ Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. // Соч., т. 11, с. 333.

¹⁰⁷ Там же, с. 334.

между национальностью отца и матери), ни менять ее человек не мог. Она фиксировалась в паспорте, официально или полуофициально принималась во внимание — иногда с благими, иногда со злыми намерениями — на всех этапах деловой и гражданской биографии. Это, конечно, не нашитая на одежду желтая звезда, но что-то близкое ей по духу. Перегородки, которые прежде имели языковую, культурную, религиозную природу и которые не смогли устоять под напором модернизации, «создания интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.», о чем так красиво писал Ленин¹⁰⁸, были заново восстановлены — уже на иной, неподвластной никаким историческим переменам основе.

Завершивший эту работу Сталин, скромно ссылавшийся на «единственно правильную» «русскую марксистскую теорию нации»¹⁰⁹, несомненно преследовал вполне определенные прагматические политические цели. Следуя своему глубокому политическому инстинкту, он сделал все, чтобы сохранить порох в пороховницах национализма, мобилизационные возможности которого он хорошо понимал. Игра на национальных чувствах, натравливание одних народов на другие надолго стали неотъемлемой чертой политического руководства Сталина и его преемников. Преследования по национальному признаку были неизменной составной частью государственного террора — в его жесткой сталинской и более мягкой послесталинской формах. В области «национальной политики» были совершены едва ли не самые тяжкие преступления режима. Депортации целых народов, о которых говорилось выше, недалеко ушли от гитлеровского геноцида евреев, а может быть, по не осуществившемуся, к счастью, замыслу, они и были таким геноцидом¹¹⁰.

Сталин и его преемники, используя в своих интересах политический потенциал национализма и, казалось бы, легко его контролируя, подкармливали зверя, который рано или поздно должен был выйти из-под контроля и зажечь самостоятельную жизнь. В частности, неизбежен был новый союз между национализмом и федерализмом и, как следствие, новое сползание федерализма к сепаратизму.

9.6. Практика «национального строительства» в СССР

Противоречия федерализма и национализма дали себя знать сразу же после образования СССР. И без того не слишком мощная база умеренного, либерального федерализма была резко ослаблена в революционные годы (ее основу составляли слои, связанные с упраздненным капитализмом), тогда как представители национальных движений — тактических союзников большевиков, — казалось бы, напротив, укрепили свое положение. И «русская марксистская теория нации», делавшая ставку на национально-территориальные автономии, и практическое продвижение советской власти по пути создания таких автономий, вполне отвечали их чаяниям. Первые шаги

¹⁰⁸ Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу, с. 124.

¹⁰⁹ Сталин И. Национальный вопрос и ленинизм, с. 335.

¹¹⁰ В это трудно поверить, но в издававшемся при жизни Сталина втором издании Большой Советской Энциклопедии репрессированные народы вообще не упоминаются, как будто их уже нет, никогда не было и не будет. Например, в т. 17 есть статья «Индейцы», в которой описывается исто-

выглядели многообещающими, и лишь позднее выяснилось, что путь был сомнительным и привел не туда, куда намеревались прийти его идеологи.

Последовательное проведение в жизнь принципа национально-территориальных автономий, которые трактовались как «государства», требовало — вполне в духе Гердера, — чтобы в каждом таком «государстве» жил «один народ, с одним присущим ему национальным характером». Уже само число населяющих Россию народов, равно как и чресполосица в их расселении, делали идею национально-территориальной автономии практически неосуществимой — ее последовательное проведение в жизнь вело к абсурду, в который немедленно и погрузились большевики.

Их конкретные представления о том, как надо действовать, были довольно смутными, отсутствовали понимание масштабов и сложности задачи, даже просто элементарные знания¹¹¹. Сколько народов населяет страну и что это за народы, было, кажется, неясно и ее высшему руководству, идеологам «национального строительства». Сталин, начавший свою государственную карьеру на посту Народного комиссара по делам национальностей, постоянно называл совершенно разные, неизвестно откуда взятые цифры.

рия американских индейцев, говорится об их дискриминации и угнетении в США и Канаде и т. п. Но здесь же рядом должна быть статья «Ингуши» — ее нет. Так же точно нет статей «Балкарцы», «Калмыки», «Карачаевцы», «Чеченцы» (все эти статьи появились в специальном 51 томе БСЭ, вышедшем в 1958 г., но в них ничего не сказано о депортации). Не найти слова «чеченец» в статье «Грозный» и т. д. Через несколько лет после окончания войны, в 1948 г., указом Президиума Верховного Совета СССР было определено, что выселение всех народов произведено навечно (и это было снова подтверждено в 1951 г.), самовольный выезд из мест поселения карался 20 годами каторжных работ (Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993, с. 124–125).

¹¹¹ Стенограмма сохранила обмен репликами между участниками секретного совещания, на котором закладывались основы национальной стратегии СССР. «Смирнов (Марийская область, мариец). С присоединением к Марийской области новых волостей, по последнему декрету ВЦИК, в ней имеется до 400 тысяч человек населения, из них до 60% марийцев, до 35% русских и до 5% прочих... *Голос.* Мариец — это то, что называется мордвой? *Смирнов.* Нет, это черемисы, ветвь финского племени. *Голос.* А куда мордва делась? *Смирнов.* Такой республики нет».

Еще один фрагмент. «*Ходжанов* (представитель Туркестана, киргиз [т.е., видимо, казах. — А. В.]): «Везде вплоть до волостей государственным и обязательным языком в делопроизводстве пока что считается русский... Мы думаем в течение двух месяцев перейти на местный язык, начиная с уездов до волостей. *Голос.* Слишком быстро... *Ходжанов.* ... Мы хотим привычку выбить просто принуждением: не будешь писать — мы тебя арестуем. В течение двух лет мы предполагаем перейти во всем туркестанском масштабе на местные языки. Здесь будет некоторая трудность, когда будут конкурировать языки, но в течение двух лет мы думаем, что мы разрешим этот вопрос как-нибудь при помощи ЦК РКП. *Голос.* Какой язык выдвигается государственным? *Ходжанов.* В 1920 году говорили о тюркском языке, мы доказали, что такого нет. Сейчас особенно никакого языка не выдвигают. Когда выдвигался тюркский язык, он был олицетворен в узбекском. *Голос.* А теперь какой? *Ходжанов.* У нас три коренных языка и даже четыре, если считать и таджиков, которые имеют свой самостоятельный язык» (Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992, с. 115, 219). Кажется странной оговорка: «если считать и таджиков» — ведь речь идет о древнейшем населении региона. Между прочим, сохранилась записка Ленина. «1. Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детальнее рассмотреть условия слияния или разделения этих трех частей». (Полн. собр. сочинений, т. 41, с. 436). А где же «Таджикия»?

«В 1921 г., по его заявлению, в революции участвовало 20 национальностей (по переписи 1897 г. числилось 146 языков и наречий). В 1922 г., к образованию СССР, по заявлению Сталина, уже шли не менее 50 наций и народностей. В 1936 г. им же было окончательно установлено, что в СССР проживает около 60 наций, национальных групп и народностей. В то же время перепись 1926 г. выявила 185 национальностей»¹¹².

Хотя еще в 1921 г. Ленин заявил, что «мы дали всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области»¹¹³, создание новых национальных образований продолжалось, их число все время увеличивалось. Поскольку достигнуть однородного этнического состава в рамках более или менее крупных территориальных образований было невозможно, в 1919 г. была выдвинута идея предоставить возможность национальным группам создавать мелкие административно-территориальные образования — уезды, районы, волости. В конце концов дело дошло до сельских советов. На исходе 20-х годов в Российской Федерации насчитывалось 2930 национальных сельских органов власти, 110 национальных волостей, 33 национальных района и 2 национальных округа¹¹⁴. К числу национальных относились также русские районы, расположенные в национальных республиках. В 30-е годы число мелких национальных образований стало еще большим. В 1934 г. примерно каждый десятый район и каждый двенадцатый сельский совет имели статус национальных¹¹⁵. Итог всей кипучей, длившейся полтора десятилетия деятельности по созданию мелких национальных образований подводится одной эпической фразой: «в последующем партийные органы пришли к выводу, что эти национальные районы и советы были „искусственно созданными“»¹¹⁶. В конце 30-х годов они были ликвидированы.

Но более крупные национально-территориальные образования, число, статус, границы и иерархия которых продолжали меняться, сохранились и по-прежнему подерживали иллюзию собственной государственности населявших СССР народов. Территории республик, автономных областей и пр. были определены с некоторыми — далеко не исчерпывающими и не бесспорными — историческими основаниями и названиями, как правило, по имени традиционно жившего в их пределах и обычно наиболее многочисленного этноса. Реальная самостоятельность всех таких национально-территориальных образований была очень ограниченной, признавалась только во второстепенных делах, часто нужна была лишь для маскировки фактического унитаризма. И все же недооценивать ее значения не следует.

Провозглашая, пусть больше на словах, чем на деле, права национальных автономий и одновременно проводя в них политику модернизации, центральная власть советского времени нуждалась в новых национальных элитах, которые могли бы быть проводниками этой политики, создавала условия для роста «национальных кадров», рассчитывая

¹¹² Бугай Н. Ф., Меркулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994, с. 15.

¹¹³ Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. // Полн. собр. сочинений, т. 44, с. 146.

¹¹⁴ Бугай Н. Ф., Меркулов Д. Цит. соч., с. 27.

¹¹⁵ Вдовин А. И. Этнополитика и формирование новой государственности в России. «Кентавр», 1994, 1, с. 9.

¹¹⁶ Бугай Н. Ф., Меркулов Д. Х. Цит. соч., с. 27.

на их преданность общесоюзной идее, на их вклад в укрепление центростремительных сил. Такой расчет оправдался лишь отчасти. По мере укрепления крупных национально-территориальных образований, прежде всего союзных, в меньшей степени автономных республик, по мере обновления их экономики и социальной структуры, национальные элиты становились все более многочисленными и независимыми, все более зрелыми и снова, как это было уже однажды в предреволюционные десятилетия, начинали осознавать свою этническую принадлежность либо как дополнительный козырь, либо как помеху в конкурентной борьбе. Соотношение плюсов и минусов складывалось по-разному, положение национальных элит, даже и выросших под опеку Центра, было противоречивым, питало не только центростремительные, но и центробежные силы. Последние естественным образом объединялись под знаменами большего государственного суверенитета их республик — вплоть до полной государственной независимости.

В этом не было ничего неожиданного, на опасность такого развития событий с самого начала указывали внешне враждебные, но внутренне родственные большевикам эмигранты-евразийцы. Хотя они уже в конце 20-х годов ясно осознавали призрачность советского федерализма («Россия ныне самое унитарное и еще вдобавок самое централистическое государство, — писал Н. Алексеев в 1927 г. — А все то, что советское правительство вещает о федерализме..., — чистый обман, придуманный хитрыми людьми для людей глупых»¹¹⁷), угроза националистического сепаратизма тревожила их намного больше, чем реальность унитаризма. Последнему они, по существу, давали индульгенцию: «упорно проводимое коммунистами начало централизма в законодательстве и в установлении „общих принципов“ политически является совершенно соответствующим условиям русской жизни»¹¹⁸. Сползание же к национализму их очень тревожило. «Создав в пределах Союза большое количество национальных республик..., коммунисты... способствовали пробуждению местного национализма, который не может не угрожать превращением в самостоятельную силу... Это чрезвычайно грозное явление, быть может одно из самых опасных для судеб не только Советского правительства, но и будущей России»¹¹⁹. «Политика Советского государства должна стремиться к постепенному преобразованию своего федерализма из национального в областной. Принципом федерации должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде области или края»¹²⁰.

Стоявшие у власти большевики не могли быть столь откровенными, как евразийцы, но многие из них, вероятно, думали так же, да и в реальной политике особого выбора у них не было. Утверждение «советского федерализма» сопровождалось громкой критикой унитаризма. Выступая на XII съезде РКП(б) в 1923 г., через несколько месяцев после создания Союза ССР, Сталин с негодованием говорил о том, что в стране «бродяга желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую „единую и неделимую“»¹²¹. Эта мысль повторялась и в резолюции съезда. «Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Ре-

¹¹⁷ Алексеев Н. Цит. соч., с. 110.

¹¹⁸ Там же, с. 122.

¹¹⁹ Там же, с. 117–118.

¹²⁰ Там же, с. 121.

¹²¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968, с. 481.

спублик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, ...а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого „единого-неделимого“»¹²².

Если эти заклинания были искренними, то за ними не стояло ничего, кроме иллюзий. Реальный федерализм в СССР 20-х годов был невозможен по тем же причинам, по каким он не мог пробить себе дорогу в дореволюционной России: из-за все еще слабого собственного «веса» регионов и региональных элит. Федерализм не имел достаточной социальной базы и был обречен на сползание либо к националистическому сепаратизму, либо к унитаризму. Между этими крайностями и развернулась борьба за право выступать от имени декларируемого федерализма, причем «условия русской жизни», на которые пронциательно указывали евразийцы, практически предreshали победу унитаризма.

При всех поношениях «единой-неделимой», звучавших на XII съезде РКП(б), озабоченность ростом местных национализмов была слышна уже и там. Но съезд проходил на глазах у всего мира, там многое говорилось для публики¹²³. Всего несколько месяцев спустя эта озабоченность была выражена в гораздо менее прикрытой форме на секретном совещании ЦК РКП, где унитаризм, по существу, открыл военные действия против местных национализмов. Совещанию был придан характер суда над конкретным носителем националистического зла — М. Султан-Галиевым, который, как заявил на совещании Троцкий, «на почве... своей национальной позиции... перешел ту грань, где недозволенная фракционная борьба превращается уже в прямую государственную измену». У местных партийных работников, по словам Троцкого, «на фланге национализма... не было достаточной бдительности», они «не развили в себе чуткости по отношению к... опасности... туземного национализма. И в ярком обнаружении этого — значение дела Султан-Галиева. Оно ставит надолго столб, напоминает, что у этого столба начинается обвал. Да, этот столб предостерегает товарищей национальных коммунистов от величайших опасностей»¹²⁴. Июньское совещание 1923 г. было чем-то вроде практических занятий для съехавшихся в Москву представителей новых, партийных национальных элит — им был преподан урок того, как следует толковать решения съезда. Так было положено начало долговременной политике новых имперских властей, направленной на то, чтобы вырвать у федерализма его националистические зубы.

Какое-то время казалось, что эта политика принесла успех. Действительность быстро развеяла предреволюционные иллюзии сторонников национально-территориальной автономии, сохранявшиеся некоторое время и после революции. Сра-

¹²² Там же, с. 695.

¹²³ Это, видимо, осознавалось уже и тогда. Иначе откуда бы возмущение Троцкого: «Товарищи националы... нередко заявляют: „...Многие ответственные работники из центра говорят, что решения XII съезда — это, дескать, только для внешней политики“. Кто это вам сказал? — спрашиваю. Почему вы не заявляете об этом официально, почему вы в ЦК партии не сообщаете, что такой-то член партии тогда-то и там-то сказал, что резолюция XII съезда по национальному вопросу... принята только для внешней политики... Если бы какой-либо ответственный работник повел такую линию, изображая важнейшее принципиальное решение, как уловку, ЦК предложил бы его исключить из партии» (Тайны национальной политики..., с. 79).

¹²⁴ Тайны национальной политики..., с. 74–75.

зу после создания СССР еще можно было думать, как думал украинский большевик Скрыпник (впоследствии покончивший с собой), что «свободные объединяющиеся республики остаются внутренне независимыми, вместе с тем передавая определенную долю своей суверенности своему Союзу Соц. Республик для экономической и политической борьбы вовне»¹²⁵. Но очень скоро подобная точка зрения, «отмежевывающаяся и от конфедерации и от единого неделимства»¹²⁶, стала крамольной. В СССР утвердился безграничный имперский унитаризм. К числу его наиболее очевидных проявлений относились непрерывное создание по воле Москвы новых и упразднение прежних территориально-национальных образований, произвольное установление и перекраивание их границ, депортации народов или значительных выделенных по этническому признаку групп, переименование городов, смена алфавитов, назначение марионеточных «национальных лидеров» и пр. Полное бесправие национальных образований всех уровней сказывалось постоянно в рутинном повседневном вмешательстве Центра в их экономическую и культурную жизнь, кадровую политику. Постепенно сложилась система новых национально-территориальных наместничеств, управлявшихся верными Москве и полностью зависившими от нее представителями местной элиты. Этнический сепаратизм был до предела ослаблен, загнан в подполье, перестал играть сколько-нибудь заметную роль. Но вместе с тем утратил свой напор и федерализм, превратившийся не более чем в декоративный фасад централистского унитарного государства. Долгое время никто не предполагал, что за этим благополучным фасадом назревал новый разрушительный кризис.

9.7. Кризис советского федерализма

Накануне референдума 17 марта 1991 г., на который был вынесен вопрос о целесообразности сохранения СССР, одна из газет опубликовала карту страны с указанием 76 отмеченных к тому времени точек разгоревшихся или назревавших конфликтов на национальной почве. Все они были связаны с требованиями пересмотра границ, изменения административного статуса национально-территориальных образований или переселения тех или иных групп населения¹²⁷. В 1993 г., когда СССР уже распался, были опубликованы результаты нового анализа ситуации: число таких точек в прежних границах СССР увеличилось до 173¹²⁸. Многие конфликты к тому времени уже повлекли за собой человеческие жертвы, а в ряде случаев превратились в вооруженные столкновения с участием военных формирований. Все эти бесчисленные взаимные притязания и конфликты, не говоря уже о самом распаде Советского Союза, стали неоспоримым свидетельством полного краха советского федерализма. Но в чем была причина этого краха, чьим интересам он отвечал?

Как ни парадоксально это звучит, СССР перестал существовать не столько потому, что были велики силы, заинтересованные в его распаде, сколько потому, что были сла-

¹²⁵ Там же, с. 240–241.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ «Московские новости», 17 марта 1991 г.

¹²⁸ *Fragments d'Europe: Atlas de l'Europe médiane et orientale*. Sous dir. de M. Foucher. Paris, 1993, p. 246.

бы, неразвиты силы единения. В критический момент у советского федерализма не оказалось серьезных защитников, его взяли голыми руками.

Смысл федерализма заключается в поддержании равновесия интересов частей и целого. Модернизация была одной из главных осей, вокруг которых объединялись эти интересы и которая заставляла новые, советские региональные элиты ценить имперскую государственность. Идеология «классического» дореволюционного федерализма — до того, как он дал себя поглотить национализму, — также чаще всего не была ни антирусской, ни антиимперской, ни антимодернистской. Становящиеся региональные элиты не без оснований видели в тогдашней имперской метрополии локомотив собственной модернизации. Они не могли не осознавать возможностей, которые открывали перед ними имперское пространство и имперская мощь. Не могли не понимать и своей неготовности контролировать обстановку в регионах в случае социального взрыва, приближение которого ощущалось всеми. Федералистские идеи не были для них дипломатическим прикрытием сепаратизма, а представляли реальную ценность, ибо отвечали их коренным интересам.

То, что многие сторонники федерализма все же скатились к национализму и сепаратизму и действовали нередко против своих интересов, можно объяснить естественной тогда слабостью, неразвитостью, незрелостью, просто немногочисленностью новых региональных элит. Все это обусловило уступчивость вчерашних федералистов, их националистическую ангажированность в годы революционных потрясений.

Десятилетия ускоренной модернизации советского периода, казалось бы, должны были все изменить. На деле же больших изменений не произошло. Мощные промышленно-городские региональные комплексы СССР 60-х – 80-х годов выглядели органическими частями единого целого. На его сохранение были направлены главные политические и идеологические усилия советского руководства, вполне успешные, на взгляд не только сторонников, но и противников СССР. Многие западные критики советского федерализма были убеждены в том, что национальные республики — не более чем марионеточные образования, полностью зависящие от центра, а советская действительность, вроде бы, только и подтверждала эти обвинения. Национальная консолидация населения республик никогда — ни теоретически, ни практически — не стояла в повестке дня советской внутренней политики. Напротив, главной декларируемой заботой этой политики всегда была национальная консолидация всего населения СССР, правда, по-другому называемая. Когда советские политики и идеологи размышляли о его будущем, перед их мысленным взором обычно стояло нечто, очень похожее на западные нации, хотя сам термин «нация» в таком смысле в СССР обычно не употреблялся, «национальное» здесь, как мы видели, было синонимом «этнического». Тем не менее много говорилось и писалось о растущей социальной однородности советского общества, об интернационализации экономической и общественной жизни, о русском языке как языке межнационального общения, постоянно повторялись слова Ленина о «сближении и слиянии наций» и т. д. Более того, за несколько лет до распада Союза в СССР был введен в оборот пропагандистский тезис о якобы сложившейся «новой исторической общности людей — советском народе» — ее можно было трак-

товать как нечто, вроде американской или французской нации, к формированию которой и подошло население СССР. Если бы дело и в самом деле обстояло таким образом, Советский Союз оказался бы территориальным монолитом, прочности которого ничто не могло угрожать. Именно о таком исходе мечтали «евразийцы», предлагавшие рассматривать всю совокупность народов, населявших СССР, как его «национальный субстрат», «особую многонародную нацию»¹²⁹.

Нельзя сказать, что для подобных ожиданий не было оснований. При всех хорошо известных различиях, в экономическом и социальном развитии СССР и западных стран было много общего, а это не могло не вести к их конвергентному развитию в самых разных областях, в том числе и в области национальных отношений. Вполне можно было ожидать, что экономическая и социальная модернизация окажет на советское общество примерно такое же воздействие, какое она оказала в свое время в странах Западной Европы. Ведь и в СССР уходило в прошлое старое крестьянство, тесно и устойчиво связанное с землей, с определенной территорией, объединенное «кровью и почвой». Оно уступало место новому подвижному населению, чьи связи с территорией определялись гораздо менее локализованными городскими видами деятельности, иным, чем прежде, типом сообщений между людьми, текущей «выгодой» и пр. Рушились многие внутренние перегородки между областями и народами, они сближались, рождались новые, иные, нежели прежде, силы интеграции, которые, казалось бы, должны были спекать выходцев из разных краев империи, из разных ее этносов в единую и неделимую нацию.

Несмотря на все это, СССР как будто все больше возвращался к положению начала века, когда центристские силы в Российской империи почти без боя уступили силам центробежным, федерализм — националистическому сепаратизму. Как отмечала Э. Каррер-Д'Анкокс, в СССР «модернизация не только не открывает пути к интеграции, но создает рамки для национализма, который утверждается в большей степени, чем прежде, а главное, более осознанно»¹³⁰. Интеграционный потенциал советской модели модернизации, вопреки ожиданиям, оказался, по-видимому, очень слабым.

Разумеется, нельзя утверждать, что центристские силы в СССР вообще отсутствовали. При всей непоследовательности и незавершенности советской модернизации в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии, она и там зашла достаточно далеко, чтобы вызвать к жизни и расширить средние городские слои. Их интересы, связанные в основном с современными устремлениями экономической, политической и культурной жизни, далеко не всегда делали их сторонниками разрушения союзного целого. Многие шедшие из Москвы импульсы вполне соответствовали этим интересам и нередко встречали на южных окраинах Союза понимание и одобрение. Поэтому средние слои на Кавказе или в Средней Азии, связанные с ними политические элиты не были чужды федералистских настроений. Но сами эти слои здесь все еще были немногочисленными и неразвитыми, во многом маргинальными. К тому же их

¹²⁹ Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм. // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993, с. 95.

¹³⁰ Carrère d'Encausse H. L'empire éclaté. Paris, 1978, p. 272.

подъем происходил на общем кризисном фоне. Порожденный модернизацией внутренний кризис традиционных кавказских и среднеазиатских обществ разрастался, социокультурные силы поляризовались, их противостояние усиливалось, а вместе с тем усиливались и противоречивые тенденции социальной динамики.

Все жители СССР имели двойную самоидентификацию — этническую и гражданскую, причем и та, и другая были закреплены официально. Жизнь постоянно сталкивала между собой статусы представителя этноса и гражданина империи, ставя человека перед нелегким выбором.

С одной стороны, конкуренция за новые для них социальные статусы заставляла наиболее активные слои коренного населения большинства национальных образованных перенимать многие черты образа жизни и идеологии «колонизаторов», в них быстро увеличивалось число своих проимперски настроенных «западников», русофилов, «коммунистов» (парадоксальным образом, часто эти понятия выступали как тождественные). Они были склонны видеть по преимуществу положительные стороны развития в рамках империи-союза и хотели бы лишь свободнее распоряжаться плодами этого развития.

С другой же стороны, сама природа нарастающей конкуренции требовала дистанцирования, противостояния, оппозиционности по отношению к «колонизаторам». Добиваясь перераспределения прав и полномочий в свою пользу как внутри республик, так и в масштабах всего СССР, автохтонные региональные элиты естественно прибегали к такому мощному источнику легитимизации своих требований, как традиционализм и этнический национализм. Кризис традиционного общества создавал для этого благоприятную почву: пробуждая защитные силы этого общества, он способствовал укреплению религиозного и культурного «фундаментализма». В этом же направлении нередко подталкивали и безумные репрессивные действия властей: они грубо попирали принципы интернационализма и федерализма, которые на словах постоянно декларировали, и одновременно, превратив этническую принадлежность в «священную корову», подсказывали путь консолидации вокруг национальной или религиозной идеи.

В руках местных элит оказывались крупные козыри. Правда, до поры до времени слишком активное использование этих козырей было небезопасно для них самих. Местные элиты не были заинтересованы в отказе от достижений модернизации, уже успели вкушать от ее плодов, хотели не возврата к прошлому, а большей власти и независимости в настоящем и будущем. Закавказью, Северному Кавказу, Средней Азии, некоторым другим районам еще только предстояло пройти многие решающие этапы модернизации, «зонтик» советской империи, несомненно облегчал эту задачу. Симбиоз модернизма и архаики, служивший питательной средой роста местных элит, был во многом искусственным, поддерживался сильным имперским центром. С исчезновением этой поддержки хрупкое равновесие могло нарушиться, а умеренные традиционализм и национализм, пока служившие вспомогательной силой регионализма, могли радикализироваться, превратиться в передовую силу антимодернистской реакции и приве-

сти к вытеснению и даже уничтожению новых региональных элит и к приостановке модернизации в целом.

Впрочем, если бы этого и не произошло, самостоятельность, доведенная до выхода из состава СССР, все равно сулила не только приобретения, но и потери. Даже и сохраняя власть в своих республиках и контроль над их экономикой, региональные элиты оказывались отрезанными от огромных ресурсов империи, на которые они привыкли смотреть как на свои. Может быть, наиболее ярким примером такого взгляда служит развернувшаяся незадолго до распада СССР борьба вокруг проекта переброски в засушливые районы Средней Азии вод сибирских рек. Среднеазиатские лидеры были главными сторонниками этого проекта, который, конечно, не предполагал, что Сибирь и Средняя Азия могут оказаться по разные стороны государственной границы. Поворот сибирских рек не состоялся, но доступ к другим ресурсам — сырьевым, технологическим, культурным и пр. — был открыт, во всех национальных образованиях сложился слой людей, которые ощущали себя гражданами огромной евразийской империи и потенциально могли претендовать на любое место в ней. Им было что терять, окажись они в замкнутом пространстве небольших и бедных азиатских государств.

Не удивительно поэтому, что те же среднеазиатские политические элиты были ориентированы не столько на выход из империи, сколько на перераспределение в своих интересах влияния и власти внутри нее. Сепаратистские настроения в Средней Азии или Казахстане не были сильными, традиционалистски настроенная часть общества едва ли была способна самостоятельно подвести свои республики к выходу из Союза, во всяком случае, тогда, когда это произошло на самом деле. Их выход из состава СССР в 1991 г. был практически вынужденным, но почти не вызвал сопротивления. По логике вещей, по крайней мере какая-то часть местных элит, преследуя свои собственные интересы, должна была поддерживать центростремительные силы, защищать союзное единство. Так оно и было, но их голос быстро слабел, заглушался другими, более громкими голосами.

В этом смысле характерна позиция первого президента независимого Казахстана, а до того — руководителя Компартии Казахстана Н. Назарбаева. Он был одним из наиболее последовательных сторонников сохранения Союза, неоднократно заявлял, что его «крайне беспокоят усиливающиеся сепаратистские и центробежные тенденции»¹³¹. По его инициативе Верховный Совет Казахстана принял обращение к Верховным Советам других союзных республик с призывом «сделать все возможное, чтобы предотвратить грядущую катастрофу — развал нашего великого союзного государства»¹³². В то же время Назарбаев достаточно глубоко понимал противоречивую основу, на которой держался Союз и выступал за ее обновление. В частности, он был убежден, что «идея рынка... далеко выходит за чисто экономические рамки и приобретает значение своеобразного консолидирующего стержня»¹³³, который должен заменить консолидирующую силу «командно-административной системы». Но именно сопротивление системы вело к тому, что реформаторские иллюзии Назарбаева постепенно испарялись. «Разве ос-

¹³¹ Назарбаев Н. Без правых и левых. М., 1991, с. 237.

¹³² Там же, с. 248.

¹³³ Там же, с. 235.

лабла жесткая диктаторская хватка центрального аппарата? Разве поколебал декларированный суверенитет республик монолитные позиции ведомств? Скажу прямо — чихать они хотели на наш суверенитет!» — восклицал Назарбаев, выступая на IV Съезде народных депутатов СССР¹³⁴. Соответственно смещались и акценты федералистской позиции Назарбаева, менялось его отношение к распаду Союза. «Я... не склонен паниковать, когда слышу, что наш Союз, дескать, разваливается. Не склонен также очень уж винить за это и центр... Рано или поздно нечто подобное должно было произойти. Здание с неправильно заложенным фундаментом долго не простоит... Ведь не республики объединились вокруг центра, а центр «привязал» республики к себе. Вот и происходит теперь объективный процесс распада»¹³⁵. Назарбаев уклонился от участия в Беловежской встрече, которая подвела черту под существованием СССР, впоследствии был одним из наиболее активных сторонников создания СНГ, но распад СССР воспринял как нечто неизбежное и необратимое.

Этот пример, как и многие другие, говорит о том, что сепаратистский напор к моменту распада СССР не был так уж силен. Советский Союз распался очень буднично, для большинства его жителей неожиданно, ни в центре, ни «на местах» это не вызвало никаких особых эмоций, соразмерных бесспорной исторической важности самого события. Создается впечатление, что к этому времени в Союзе уже не было достаточно влиятельных экономических или политических групп, чьи глубинные интересы серьезно затрагивались распадом СССР. А это и значит, что питавшие советский федерализм центристские силы почти сошли на нет.

Стоит ли этому удивляться? Все школьники в СССР были знакомы с «Манифестом Коммунистической партии», где говорится, что экономическая деятельность буржуазии сделала необходимой политическую централизацию, вследствие чего «независимые, связанные почти только союзными отношениями области... оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»¹³⁶.

Экономическую деятельность буржуазии в СССР заменяла деятельность Госплана. Вся экономика, а по существу, вся страна, рассматривалась как один большой завод, внутри которого, конечно, очень важна горизонтальная технологическая кооперация. Соответственно и создавалось единое на всю страну технологическое пространство. Его пронизывали дороги и трубопроводы, внутри него перемещались люди и грузы, шел обмен деятельностью и т. д. Это технологическое пространство принято считать экономическим. На самом же деле оно было псевдоэкономическим, оно не было пространством внутреннего рынка, на котором определяются и сталкиваются экономические интересы конкретных людей или групп людей — собственников, непосредственно зависящих от всего, что происходит в этом пространстве, и способных активно воздействовать на его состояние. Соответственно не было и массового слоя носителей федералистской идеи, которые стремились бы к меньшей зависимости от центра во имя большей свободы действий на внутреннем рынке, но не желали терять этот рынок или дро-

¹³⁴ Там же, с. 240.

¹³⁵ Там же, с. 244.

¹³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Соч., т. 4, с. 428.

бить его. Отсюда — слабость советского федерализма и объективно порождаемых им центростремительных сил.

Еще одним, может быть, дополнительным, но тоже очень важным объективным источником этой слабости была неодинаковая продвинутость разных частей СССР по пути модернизации. В одних его частях, например, в большинстве районов России, не говоря уже о Прибалтике, общество очень основательно «атомизировалось», индивидуализировалось, подошло к превращению в гражданское, а значит и в «нацию» в западном смысле этого слова. Другие же части бывшего Союза — Средняя Азия и некоторые другие — не были к этому готовы. Они жили еще по законам малоподвижных, аграрных, сельских обществ, жестко привязанных к определенной территории. Такие общества вполне могут существовать в рамках централизованных имперских структур, им империя не мешает. События показали, насколько ошибочными были те предостережения, которые связывали главную опасность целостности СССР с подъемом среднеазиатского национализма, исламского фундаментализма и пр. Опасность пришла с другой стороны — с «Запада», — понятие, которое на социокультурной карте СССР означало европейские республики, включая, видимо, и саму Россию. Громоздкая, не допускавшая гибких решений, равнявшаяся по отстающим унитарная империя была в тягосты прежде всего тем, кто созрел для быстрых перемен. Именно из-за неодинаковой готовности к переменам становилось невозможным взаимопонимание «Запада» и «Востока» в пределах бывшего Союза, что, конечно, усугубляло кризис имперской государственности. Самые глубинные основы жизнедеятельности, структурирования, политической организации западных, «национальных» и восточных, «донациональных» обществ — разные. Мысль о слиянии их в единый «советский народ», опору союзных центростремительных сил, была утопичной.

Возможно, именно динамическая неоднородность советского общества повлияла на позицию собственно России, которая странным образом оказалась одним из самых слабых звеньев союзного федерализма, что тоже стало неожиданностью. В упоминавшемся обращении Верховного Совета Казахстана, призывавшем «поставить прочный заслон центробежным силам», говорилось, что «кособая миссия в этом деле принадлежит народным депутатам РСФСР, поскольку именно народы России... могут и должны играть важную конструктивную роль в формировании обновленного Союза»¹³⁷. Надежды на Россию не оправдались. Сепаратистские устремления, приведшие в 1991 г. к распаду СССР, легко достигли цели, прежде всего именно потому, что не встретили значительного сопротивления со стороны российской, преимущественно русской элиты, из которой в основном рекрутировалась и союзная элита.

Хотя все народы Советского Союза считались равноправными, исторические, географические и демографические основания объективно ставили русских в особое положение, которое советский режим пытался использовать в великодержавных, имперских целях. Не веря в реальный федерализм и естественные для него рыночные, гражданские, либеральные основания, не чувствуя под ногами новой, модернизированной почвы для укрепления прочности СССР, его руководство, как и во многих других случаях, сделало ставку на традиционные способы мобилизации социальной воли, возроди-

¹³⁷ Назарбаев Н. Цит. соч., с. 249.

ло, пусть и в несколько замаскированном виде, идею «державного» народа, чьи интересы в наибольшей степени совпадают с интересами империи. Этот поворот произошел постепенно, с наибольшей ясностью он был обозначен в речи Сталина в мае 1945 г., когда он назвал русский народ «руководящим народом», «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹³⁸. Позднее, в ходе десталинизации, наиболее одиозные формулировки исчезли из употребления, но концепция «старшего брата» жила очень долго и неизменно связывалась с защитой коренных интересов СССР. На деле же это означало привилегированное положение русской элиты и ее огромное преобладание на вершине союзной пирамиды власти.

Некоторое представление об этом преобладании дает национальный состав высшей партийной элиты за все время существования советской власти (табл. 9.1). Для страны, в которой насчитывалось свыше ста народов, национальное представительство в высшем эшелоне правящей партии было более чем скромным. В таблице перечислены десять национальностей, которые за все время с 1917 по 1991 г. имели в составе партийной верхушки более чем двух представителей. Кроме того, в высшем партийном руководстве за это время побывало двое немцев, двое поляков, два киргиза, два молдаванина и по одному представителю болгар, татар, финнов, литовцев, осетин, таджиков, туркмен и эстонцев.

В первое послереволюционное десятилетие в формировании высших партийных органов непропорционально большое место занимали русские и особенно евреи. Впоследствии приток евреев на партийный Олимп резко сократился, а после 1940 г. полностью прекратился. Но непропорционально большой приток русских не только сохранился, но даже усилился. Например, при том, что в 40-е – 80-е годы численность русских в СССР была примерно втрое больше, чем украинцев, число русских, поднявшихся на кремлевский верх, было вшестеро большим. Но все же украинцы и белорусы находились в сравнительно благоприятном положении, почти 84% всех, пришедших в руководящие органы ЦК с 1930 по 1989 г., составляли представители трех славянских народов, и только 16% оставалось на долю более чем ста остальных, из которых реально было представлено только девять. Попытка изменить положение была предпринята лишь в 1990 г., но СССР оставалось жить всего год.

Таблица 9.1 — не более чем иллюстрация общего положения. Столь же значительным было преобладание русских во всех союзных структурах — партийных, правительственных, армейских, научных и т. д. Напомним, что речь шла об этнических русских, чья родословная нередко тщательно проверялась. В этом смысле критерии были даже более жесткими, чем их представляли себе дореволюционные русские шовинисты. Генерал Куропаткин, воинствующий сторонник «России для русских», настаивая на том, «чтобы русское племя в России пользовалось большими правами, чем инородцы и иноземцы», в то же время полагал, что «приобщение к русской народности инородческих элементов очень желательно и полезно для России. Поэтому закрытие государственной службы для тех из них, которые не пожелают сделаться

¹³⁸ Сталин И. В. Выступление на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // Сталин И. О Великой отечественной войне Советского Союза. М., 1952, с. 196.

Таблица 9.1. Национальный состав высшей партийной элиты РКП(б), ВКП (б), КПСС (члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК), 1917–1989 гг.

"äöÉîí à°úí íæòü	ṽä íäðäí°í íðÉíîää íà äBæÉ ÉØ íîṽð									
	1917- 1919	1920- 1929	1930- 1939	1940- 1949	1950- 1959	1960- 1969	1970- 1979	1980- 1989	1917- 1989	1917- 1991
ṽä°í, ÷ä°íäâÉ	18	46	15	14	34	23	11	32	36	229
в том числе:										
русские	8	31	10	13	22	16	8	24	15	147
украинцы	2	2	-	1	5	3	1	3	1	18
евреи	5	5	2	-	-	-	-	-	0	12
белорусы	-	-	1	-	1	1	1	2	2	8
латыши	-	3	1	-	1	1	-	1	1	8
грузины	1	1	1	-	1	-	1	-	1	6
армяне	-	1	-	-	1	-	-	-	2	4
узбеки	-	-	-	-	1	1	-	-	2	4
азербайджанцы	-	-	-	-	1	-	-	1	1	3
казахи	-	-	-	-	-	1	-	-	2	3
другие	2	3	-	-	1	1	-	1	9	16
ṽä°í, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:										
русские	44,4	67,4	66,7	92,9	64,7	69,6	72,7	75,0	41,7	64,2
украинцы	11,1	4,3	-	7,1	14,7	13,0	9,1	9,4	2,8	7,9
евреи	27,8	10,9	13,3	-	-	-	-	-	-	5,2
белорусы	-	-	6,7	-	2,9	4,3	9,1	6,3	5,6	3,5
латыши	-	6,5	6,7	-	2,9	4,3	-	3,1	2,8	3,5
грузины	5,6	2,	26,7	-	2,9	-	9,1	-	2,8	2,6
армяне	-	2,2	-	-	2,9	-	-	-	5,6	1,7
узбеки	-	-	-	-	2,9	4,3	-	-	5,6	1,7
азербайджанцы	-	-	-	-	2,9	-	-	3,1	2,8	1,3
казахи	-	-	-	-	2,9	-	-	3,1	5,6	1,3
другие	5,6	-	-	-	2,9	4,3	-	3,1	25,0	7,0

ṽðí: íÉÉ: -äæ:Éòàí íí: xäðíää Ä. ṽ. 229 (Éðàí °äæÉÉ: äíæäð. Í., 1996.

русскими, необходимо, но инородцы, которые сознательно выберут своим языком русский язык, свою родину Россию, — свою службу и деятельность только усилят русское племя»¹³⁹. Для государственной службы в советское время часто надо было быть русским по крови¹⁴⁰.

В ставке на русский национализм или, во всяком случае, на русские интересы — действительные или воображаемые — отразилась объективная слабость внутренних сил взаимного притяжения народов СССР. Она-то и подталкивала к возрождению старой имперской идеи: сохранение империи становилось как бы миссией самого многочисленного «руководящего народа». Эта идея отвечала глубинному инстинкту власти, которая заигрывала с массовыми настроениями, порождаемыми антимодернистской реакцией. Ее выбор был предопределен самой моделью консервативной модернизации с ее изначальной опорой одновременно на технологические нововведения и на социальную архаику. Но чисто «технологическая» модернизация невозможна. Развитие промышленности, рост городов, повышение уровня образования неизбежно порождали общественные слои, ориентированные на либеральные ценности гражданского общества, правового государства, коротко говоря, на всестороннее социальное обновление. Они были генетически враждебны тоталитаризму, опасны для него, тоталитарное государство делало все, чтобы воспрепятствовать их консолидации.

В каком-то смысле эта задача облегчалась тем, что те же самые модернизационные перемены, которые пробуждают либеральное гражданское самосознание, долгое время питают и силы, на которые может опираться самый жесткий тоталитаризм. В частности, они углубляют кризис этничности с присущим ему синдромом антимодернизма, с потенциалом недовольства, протеста, ксенофобии и пр. Этот потенциал умело использовался в политической игре, в борьбе с любыми попытками критики режима, либерального свободомыслия. Постоянно осуждаемый на словах этнический национализм — антипод гражданского общества — заставил с собой считаться, стал нужным, любимым детищем властей. Этого нельзя сказать о федерализме, который смело можно назвать их пасынком.

Не удивительно, что власти снова и снова пытались укрепить империю именно с помощью национализма, в первую очередь, — национализма «руководящего народа», то есть шли по пути, от которого предостерегал еще Миллюков. СССР превратился из «великой империи» в «колосс на глиняных ногах» и в конце концов рухнул в значительной степени из-за двусмысленной политико-идеологической позиции партийно-государственной имперской власти. Одной рукой поддерживая общесоюзную консолидацию, другой она конформистски подчеркивала первостепенное значение этничности и готовила тем самым почву для этнического сепаратизма, в том числе и русского.

¹³⁹ Куропаткин А. Н. Цит. соч., с. 241, 243.

¹⁴⁰ Речь идет отнюдь не только о самых высоких постах. Недавно стали известны некоторые подробности «карибского кризиса» 1962 г. На Кубу была тайно переброшена почти 50-тысячная группировка Советской армии, прошедшая очень тщательный отбор. Помимо всего прочего, «защищать кубинскую революцию запрещалось... евреям, немцам, татарам, корейцам, китайцам и „разным там прочим шведам“» («Литературная газета», 29 октября 1997 г.). Это считалось вполне нормальным.

Выше уже было достаточно сказано о роли России в созидании царской, а затем и советской империи. Это созидание было длительным, трудным и далеко не бескровным, обходилось России очень дорого. Но долгое время она несла имперское бремя едва ли не с радостью, замечая, казалось бы, только выгоды своего державного положения. Какие эмоции еще сто лет назад вызывали новые завоевания. «Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русской», — ликовал Достоевский... В будущем Азия наш исход, ...там наши богатства, ...там у нас океан»¹⁴¹. Понадобилось немногим более ста лет, чтобы имперский энтузиазм Достоевского сменился больным стоном Солженицына. «Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель»¹⁴². В России стало множиться число выступлений, в которых доказывалось, что Россия находится в приниженном, по сравнению с другими республиками, положении, что они ее эксплуатируют, появились свои сепаратистские настроения. В конце концов, именно Россия стала инициатором ликвидации СССР и отделения от своих недавних «сестер». За ее формальной инициативой стояла воля значительной части российской политической, экономической и культурной элиты. Она очень легко склонилась к сепаратизму, тогда как серьезных защитников федерализма в ее рядах почти не нашлось.

Можно ли и в самом деле объяснить этот сепаратизм тем, что имперское бремя стало непосильным для России? Если и можно, то лишь отчасти. Было ведь не только бремя, были и общие выгоды — экономические, культурные, геополитические. Почему же они так мало значили для союзной элиты, не сумевшей ничего противопоставить натиску сепаратистов?

Скорее всего, дело было в том, что в СССР вообще не было ни союзной, ни региональных элит в современном смысле этого слова, не было средних общественных слоев, на которые такие элиты могли бы опираться, не было носителей «горизонтальных» интересов, тесно связанных с судьбами Союза. Реальные советские регионально-национальные элиты, так же, как и российско-союзная, были статусными, «номенклатурными», зависели от отношений с центром, от его благорасположения. Они чувствовали себя хорошо в рамках жесткой вертикальной пирамиды власти, типичной для всей советской системы, но мало что теряли, если, распадаясь, она просто дробилась на подобные же пирамиды меньших размеров. В малых пирамидах местные элиты оказываются ближе к вершине, распад СССР означал для них повышение статуса, что для них было главным. Укрепить же свои позиции, свою власть, легитимность которой прежде освящалась союзным центром, помогала опора на все тот же этнический национализм.

Нестатусной элиты, общественных слоев, состоящих из независимых частных лиц, из собственников, опирающихся на горизонтальные, безразличные к административным границам связи, в СССР не было или, во всяком случае, они были намного менее развиты, ибо очень слабо были развиты сами эти связи. Но только такие слои могут быть кровно заинтересованы в федерализме и служить ему надежной опорой.

¹⁴¹ Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое Азия для нас? (Дневник писателя, 1881). // Полн собр. соч., т. 27, с. 38.

¹⁴² Солженицын А. Как нам обустроить Россию. М., 1991, с. 6–7.

Нерушимость СССР была одной из главных, постоянно декларируемых ценностей советского политического истеблишмента. Союз республик и впрямь выглядел необыкновенно прочным. Но это была прочность деревянной бочки, скрепленной снаружи железными обручами, а не прочность атома, целостность которого обеспечивается его внутренними силами. Огромные усилия и ресурсы были направлены на то, чтобы не заржавели и не ослабли внешние железные обручи, этой задаче была подчинена едва ли не вся конструкция советской мобилизационной модели. Но все оказалось тщетным, ибо сама эта модель была главной причиной недоразвитости куда более важных внутренних сил сцепления. В конце концов обручи слетели, бочка рассыпалась. И дело совсем не в том, что в Советском Союзе были плохие бондари. Просто ремесло бондаря и атомная физика — это не совсем одно и то же.